

Библиотека Всемирной Литературы

ЭДУАРД АСАДОВ

Избранное

Эдуард Аркадьевич Асадов

Избранное

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132592

Избранное : стихотворения, поэмы / Эдуард Асадов; Русич; Москва;

2015

ISBN 978-5-699-80563-1

Аннотация

Любое из стихотворений Эдуарда Асадова – торжество смелых и благородных чувств, борьба за бескомпромиссную, трепетную и чистую любовь. В книгу включены самые лучшие стихотворения, баллады, поэмы поэта, уже более полувека востребованного читателями.

Содержание

Стихотворения	8
Письмо с фронта	8
Армянская песня	10
Я так хочу стихи свои писать...	12
В землянке	14
У опушки	17
Стихи о рыжей дворняге	20
Медвежонок	22
В тайге	24
Влюбленный	26
Трудная роль	28
Жар-птица	31
Вечер	34
Ревность	37
Весна в лесу	39
После дождя	41
Лыжник	43
Любовь	45
Прогулка	47
Снежный вечер	50
«Рыжик»	53
«Хоть я не зол, но помнить я умею...»	56
Женщина сказала мне однажды...	57

Она была так хороша собой	60
У киоска	61
«Люблю я собаку за верный нрав...»	63
Ручей	65
Улетают птицы	67
Сердце	75
Стихи о гордой красоте	77
Доверчивый супруг	81
Хорошие люди	83
Разрыв	87
Попутчица	90
Телефонный звонок	92
Апрель	94
Дорожная встреча	97
Твой подарок	102
Звезды служат влюбленным	106
Обидная любовь	108
«Ты грустишь и, косу теребя...»	111
Сны – обман, и верить снам не надо...	113
Девушка	116
Письмо любимой	118
Одна	120
Первый поцелуй	122
Пылкая душа (Шутка)	125
Стихи об одной любви	127
Разговор с другом	131

Трусиха	134
Таежный родник	138
За счастьем!	141
Будьте счастливы, мечтатели	143
Строгие сторожа	147
Ненужные споры	149
В звездный час	151
Ночь	154
Советчики	156
Зимняя сказка	158
Падает снег	161
У последнего автомата	163
У тебя характер прескверный...	165
Сердитый критик	167
Спокойной ночи	169
Три друга	172
Чудачка	174
Одно письмо	176
Моя звезда	177
Они студентами были...	181
Стихи о маленькой зеленщице	183
Мы решили с тобой дружить...	187
Я провожу тебя	190
«Все как будто сделал славно я...»	193
Я с вами всегда, товарищи!	195
Остров Романтики	200

Новогодняя шутка	203
Юбиляр	204
Сердечная история	207
Вторая любовь	210
Спор	213
Когда мне встречается в людях дурное...	215
Что такое счастье?	218
Золотая кровь	220
Гостья	222
Два маршрута	225
У реки	227
Лесная сказка	230
Добрый принц	232
Ночные огни	235
«Я могу тебя очень ждать...»	238
Важные минуты	240
Дорожите счастьем, дорожите!	243
Его судьба	246
Оттепель	248
Твой голос	250
Приметы	252
Шаганэ	256
«От скромности не подымая глаз...»	260
Карнавал	262
В троллейбусе	266
Конец ознакомительного фрагмента.	267

Эдуард Асадов

Избранное:

стихотворения, поэмы

© Асадов Э. А., наследник, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Стихотворения

Письмо с фронта

Мама! Тебе эти строки пишу я,
Тебе посылаю сыновний привет,
Тебя вспоминаю, такую родную,
Такую хорошую, слов даже нет!

Читаешь письмо ты, а видишь мальчишку,
Немного лентя и вечно не в срок
Бегущего утром с портфелем под мышкой,
Свистя беззаботно, на первый урок.

Грустила ты, если мне физик, бывало,
Суровою двойкой дневник украшал,
Гордилась, когда я под сводами зала
Стихи свои с жаром ребятам читал.

Мы были беспечными, глупыми были,
Мы все, что имели, не очень ценили,
А поняли, может, лишь тут, на войне:
Приятели, книжки, московские споры –
Все – сказка, все в дымке, как снежные горы...
Пусть так, возвратимся – оценим вдвойне!

Сейчас передышка. Сойдясь у опушки,
Застыли орудья, как стадо слонов;
И где-то по-мирному в гуще лесов,
Как в детстве, мне слышится голос кукушки...

За жизнь, за тебя, за родные края
Иду я навстречу свинцовому ветру.
И пусть между нами сейчас километры –
Ты здесь, ты со мною, родная моя!

В холодной ночи, под неласковым небом,
Склонившись, мне тихую песню поешь
И вместе со мною к далеким победам
Солдатской дорогой незримо идешь.

И чем бы в пути мне война ни грозила,
Ты знай, я не сдамся, покуда дышу!
Я знаю, что ты меня благословила,
И утром, не дрогнув, я в бой ухожу!

1943

Армянская песня

Бодро иду я дорогой своей,
В сердце моем ни тоски, ни тревоги.
Девушка чистая, словно ручей,
Мне пожелала счастливой дороги.

Мы повстречались на самой горе,
Сакля стоит у фруктового сада.
Сладки и сочны плоды в сентябре,
Гнется под гроздью лоза винограда.

Девушка имени мне не сказала,
Взгляд ее синим лучом пробежал.
Счастья и друга в пути пожелала,
Смех ее в сердце моем задрожал.

Снова пошел я дорогой своей,
Нет на душе ни тоски, ни тревоги.
Девушка звонкая, словно ручей,
Мне пожелала счастливой дороги.

Только вдруг что-то случилось в пути:
Руки вдоль тела повисли без силы,
Стало мне жарко и трудно идти,
Путь показался далеким, унылым...

Нежно защелкал в кустах соловей,
Солнце спускалось, в горах пламеня,
Только у девушки голос нежней,
Только у девушки губы краснее.

Что же вы, сильные, крепкие ноги?!
Надо шагать нам дорогой своей:
Девушка быстрая, словно ручей,
Нам пожелала счастливой дороги.

Я постоял и обратно пошел.
Сердце тревога неясная гложет.
Что потерял я и что я нашел?
Кто мне ответить на это поможет?

Я воротник распахнул на груди,
Душный, хмельной надвигается вечер.
Белая сакля стоит впереди,
Кто-то спускается быстро навстречу...

Люди, прислушайтесь к песне моей –
Лучше остаться сидеть на пороге,
Если вам скажет «счастливой дороги»
Девушка нежная, словно ручей!

Я так хочу стихи свои писать...

Я так хочу стихи свои писать,
Чтоб каждой строчкой двигать жизнь вперед.
Такая песня будет побеждать,
Такую песню примет мой народ!

Пускай трудна порою крутизна,
Но там, где люди солнце обретут,
Быть может, песню и мою споют,
И в чьем-то сердце задрожит струна.

Я так хочу стихи свои писать,
Чтоб, взяв их в новый, незнакомый век,
Читатель мог уверенно сказать:
«Недаром прожил в мире человек!»

И там, у завершенья крутизны,
Сквозь яркий день и сквозь ночную тьму
Вплетая голос в гул моей страны,
Я так скажу потомку своему:

«Ты слышишь этот песенный прибой,
Ты видишь счастьем залитую ширь –
Храни же свято этот светлый мир,
Что добыт был великою ценой!»

Я так хочу стихи свои писать,
Чтоб этот миг приблизить хоть на час.
Они прекрасны, замыслы, у нас!
И наши песни будут побеждать!

1947

В землянке (Шутка)

Огонек чадит в жестянке,
Дым махорочный столбом...
Пять бойцов сидят в землянке
И мечтают кто о чем.

В тишине да на покое
Помечтать – оно не грех.
Вот один боец с тоскою
Глаз сощуря, молвил: «Эх!»

И замолк. Второй качнулся,
Подавил протяжный вздох,
Вкусно дымом затянулся
И с улыбкой молвил: «Ох!»

«Да», – ответил третий, взявшись
За починку сапога,
А четвертый, размечтавшись,
Пробасил в ответ: «Ага!»

«Не могу уснуть, нет мочи! –
Пятый вымолвил солдат. –
Ну чего вы, братцы, к ночи

Разболтались про девчат!»

1947

* * *

Люблю я с откоса весенней порой,
Раздевшись, в студеную воду нырнуть,
Обдаст тебя сразу огонь ледяной,
От холода трудно сначала вздохнуть.

Потом ты плывешь, рассекая руками
Воды и зари многоцветное пламя,
Но так проберет леденящий поток,
Что пробкой летишь на прибрежный песок.

Мне холод такой не мешает ничуть,
Он бодрость и радость вливает мне в грудь,
Он утренней песнею в сердце звенит,
Он сил прибавляет, он кровь горячит.

Люблю я ядреный январский мороз
С холодным сверканьем синеющих льдов,
С лыжней, по которой летишь под откос,
Обрывками песен пугая клестов.

Что холод и что мне лихая зима,

Коль можно хрустальную свежесть вдохнуть?
Не кровь в моих жилах, а юность сама,
Рассвет загорелся, скорее же в путь!

Но все же мороз и меня леденит,
Едва лишь свидания час настает,
Глаза твои – лед, и душа твоя – лед,
И каждая фраза, как льдинка, звенит.

Зачем же тогда я про нежность пою?
Затем, чтоб помочь пробудиться весне,
Разбить скорлупу ледяную твою,
Согреться, а нет, так сгореть на огне.

Когда б я не верил всем сердцем в твой пыл,
Чудачка, неужто б тебя я любил?!
Сказал и почувствовал: кажется, лгу.
Пусть лед! Все равно разлюбить не смогу!

1947

У опушки

Чиж с березы трель швыряет бойко.
Первый луч речную гладь согрел.
Воздух – земляничная настойка,
Два больших глотка – и захмелел.

Ну, а если человек влюблен,
Если встречи ждет и объяснения?
От любви, от вешнего цветенья
Как же парень должен быть хмелен!

Он сидит, покусывая ветку,
А вокруг ромашковый прибой,
И не крыша парковой беседки –
Синева без дна над головой.

Меж кустов ручей змеится лентой,
А над ним, нарушив тишину,
Дятел, словно доктор пациента,
Принялся выстукивать сосну.

Постучит, замрет... И, удивленный,
Круглым глазом книзу поведет,
Где сидит на пне студент влюбленный,
Смотрит вдаль, волнуется и ждет.

Вспоминает, как вот тут зимою
Две лыжни над речкою сошлись,
Девушка с каштановой косою
Засмеялась и скользнула вниз.

Ничего как будто не случилось,
Только смех в ушах стоял, как звон,
Только сердце парня покатилося
Вслед за нею круто под уклон.

Были встречи, были расставанья,
И улыбки, и в руке рука,
Но пока все главное в тумане,
«Да» иль «нет» не сказано пока.

Но пора, теперь он все узнает,
Ведь дорог отсюда только две...
Вон и платье меж кустов мелькает,
И коса венцом на голове.

Видно, сердца разгадала муки,
Улыбнулась искорками глаз,
Подбежала, протянула руки
И к плечу припала в первый раз.

Взмыв над речкой, в лес умчался дятел.
Шишка с шумом полетела вниз.
Двое засмеялись, обнялись.
Мы теперь тут лишние, читатель...

Стихи о рыжей дворняге

Хозяин погладил рукою
Лохматую рыжую спину:
– Прощай, брат! Хоть жаль мне, не скрою,
Но все же тебя я покину.

Швырнул под скамейку ошейник
И скрылся под гулким навесом,
Где пестрый людской муравейник
Вливался в вагоны экспресса.

Собака не взывала ни разу,
И лишь за знакомой спиною
Следили два карие глаза
С почти человеческой тоскою.

Старик у вокзального входа
Сказал: «Что? Оставлен, бедняга?»
Эх, будь ты хорошей породы...
А то ведь простая дворняга!»

Огонь над трубой заметался,
Взревел паровоз что есть мочи,
На месте, как бык, потоптался
И ринулся в непогоду ночи.

В вагонах, забыв передряги,
Курили, смеялись, дремали...
Тут, видно, о рыжей дворняге
Не думали, не вспоминали.

Не ведал хозяин, что где-то
По шпалам, из сил выбиваясь,
За красным мелькающим светом
Собака бежит, задыхаясь!

Споткнувшись, кидается снова,
В кровь лапы о камни разбиты,
Что выпрыгнуть сердце готово
Наружу из пасти раскрытой!

Не ведал хозяин, что силы
Вдруг разом оставили тело
И, стукнувшись лбом о перила,
Собака под мост полетела...

Труп волны снесли под коряги...
Старик! Ты не знаешь природы:
Ведь может быть тело дворняги,
А сердце – чистейшей породы!

Медвежонок

Беспощадный выстрел был и меткий.
Мать осела, зарывчав негромко,
Боль, веревки, скрип телеги, клетка...
Все как страшный сон для медвежонка.

Город суетливый, непонятный,
Зоопарк – зеленая тюрьма,
Публика снует туда-обратно,
За оградой высятся дома...

Солнца блеск, смеющиеся губы,
Возгласы, катанье на лошадке,
Сбросить бы свою медвежью шубу
И бежать в тайгу во все лопатки!

Вспомнил мать и сладкий мед пчелы,
И заныло сердце медвежонка,
Носом, словно мокрая клеенка,
Он, сопя, обнюхивал углы.

Если в клетку из тайги попасть,
Как тесна и как противна клетка!
Медвежонок грыз стальную сетку
И до крови расцарапал пасть.

Боль, обида – все смешалось в сердце.
Он, рыча, корябал доски пола,
Бил с размаху лапой в стены, дверцу
Под нестройный гул толпы веселой.

Кто-то произнес: – Глядите в оба!
Надо стать подальше, полукругом.
Невелик еще, а сколько злобы!
Ишь, какая лютая зверюга!

Силищи да ярости в нем сколько,
Попадись-ка в лапы – разорвет! –
А «зверюге» надо было только
С плачем ткнуться матери в живот.

1948

В тайге

В светлом инее березы.
Злы в Сибири холода!
Речка скрылась от мороза
Под тяжелый панцирь льда.

Кедры в белых рукавицах
Молчаливо-высоки...
Жадно нюхает лисица
Деревенские дымки.

На сугробах птичий росчерк,
Ель припудрена снежком,
Дятел, греясь, как извозчик,
О крыло стучит крылом.

Завалил берлогу свежий
Снег. Мороз трещит окрест...
Спит в своей дохе медвежьей
Сам «хозяин» здешних мест.

Только белка-непоседа,
Глаз ореховый кося,
Мчит по веткам, для обеда
Шишку крепкую неся.

Ближний куст ударил громом...
Оборвав свой быстрый бег,
Белка светло-серым комом
Полетела в рыхлый снег.

Эхо в троекратной силе
Гулко ахнуло вокруг.
Кедры, вздрогнув, уронили
Рукавицы с длинных рук.

Человек скользит на лыжах,
Ручейками след бежит.
Средь лисиц пунцово-рыжих
Белка серая лежит.

Сумрак в лес ползет сторожко,
И на веточках осин
Льда стеклянные сережки
Загорелись под рубин.

Вновь от гула встрепенулся
Лес на целую версту,

Только лучше бы вернулся
Или просто промахнулся
Парень в эту красоту!

Влюбленный

День окончился, шумен и жарок,
Вдоль бульвара прошла тишина...
Словно детский упущенный шарик,
В темном небе всплывает луна.

Все распахнуто – двери, окошки,
Где-то слышно бренчанье гитар.
Желтый коврик швырнул на дорожку
Ярко вспыхнувший круглый фонарь.

И от этого света девчонка
В ночь метнулась, пропав без следа,
Только в воздухе нежно и звонко
Все дрожало счастливое «да».

Он идет, как хмельной, чуть шатаясь,
Шар земной под ногами гудит.
Так, как он, на весь мир улыбаясь,
Лишь счастливый влюбленный глядит.

Люди, граждане, сердцем поймите:
Он теперь человек не простой –
Он влюбленный, и вы извините
Шаг его и поступок любой.

На панелях его не сшибайте,
Не грубите в трамваях ему,
От обид его оберегайте,
Не давайте толкнуть никому.

Вы, шоферы, его пощадите,
Штраф с него не бери, постовой!
Люди, граждане, сердцем поймите:
Он сейчас человек не простой!

1949

Трудная роль

В плетеной корзине живые цветы.
Метель за морозным окном.
Я нынче в гостях у актерской четы
Сижу за накрытым столом.

Хозяин радушен: он поднял бокал
И весело смотрит на нас.
Он горд, ведь сегодня он в тысячный раз
В любимом спектакле сыграл.

Ему шестьдесят. Он слегка грузноват,
И сердце шалит иногда,
Но, черт побери, шестьдесят не закат!
И что для артиста года?

Нет, сердце ему не плохое дано:
Когда он на сцену вступает,
Лишь вспыхнет от счастья или гнева оно
Пять сотен сердец замирает!

А радость не радость: она не полна,
Коль дома лишь гости вокруг,
Но рядом сидит молодая жена –
Его ученица и друг.

О, как же все жесты ее нежны.
Ее красота как приказ!
Он отдал бы все за улыбку жены,
За серые омуты глаз.

Все отдал бы, кладом кичась своим, –
Прекрасное кто же не любит!
Хоть возрастом, может, как дым, седым,
Брюзжаньем и чадом, всегда хмельным,
Он вечно в ней что-то губит...

Сегодня хозяин в ударе: он встал,
Дождался, чтоб стих говорок,
И, жестом свободным пригубив бокал,
Стал звучно читать монолог.

Минута... И вот он – разгневанный мавр!
Платок в его черной ладони.
Гремит его голос то гулом литавр,
То в тяжких рыданиях тонет...

В неистовом взгляде страдальца – гроза!
Такого и камни не вынесут стона!
Я вижу, как вниз опуская глаза,
Бледнеет красивая Дездемона.

Но, слыша супруга ревнивые речи,
Зачем без вины побледнела жена?
Зачем? Ведь в трагедии не было встречи!

Зачем? Это знаем лишь я да она.

Я тоже участник! Я, кажется, нужен,
Хоть роли мне старый Шекспир не отвел.
Я был приглашен и усажен за стол,
Но «роль» у меня – не придумаешь хуже!

Ты хочешь игры? Я играю. Изволь!
И славно играю, не выдал ведь злости.
Но как тяжела мне нелепая роль
Приятеля в доме и честного гостя!

1949

Жар-птица

– Любовь? Ее нет между нами, –
Мне строго сказала она. –
Хотите, мы будем друзьями,
Мне верная дружба нужна.

Что спорить, она откровенна,
Но только я хмуро молчу.
Ведь я же солгу непременно,
Когда ей скажу, что хочу.

Что ж, дружба – хорошее дело!
В ней силы не раз почерпнешь,
Но дружба имеет пределы,
А мне они – по сердцу нож!

Как жил я, что в сердце вплеталось,
Я все бы ей мог рассказать,
Когда бы она попыталась,
Когда б захотела понять.

Идя сквозь невзгоды и вьюги,
Не встретил я преданных глаз.
Случайные лгали подруги,
Я сам ошибался не раз.

Но думал я: вспыхнут зарницы.
Я знал: надо верить и ждать.
Не может так быть, чтоб жар-птицы
Я в мире не смог отыскать!

Когда же порой мне казалось,
Что к цели приблизился я,
Жар-птица, увы, превращалась
В простого, как хвощ, воробья.

Вспорхнув, воробьи улетали,
И снова я верил и ждал.
И все-таки вспыхнули дали!
И все-таки мир засиял!

И вот наконец золотые
Я россыпи в сердце открыл.
Наверное, в жизни впервые
Я так горячо полюбил!

Моя долгожданная, здравствуй!
Ты чувств не найдешь горячей.
Иди и в душе моей царствуй!
Я весь тут – бери и владей!

Жар-птица сверкнула глазами,
И строго сказала она:
– Любовь? Ее нет между нами.
Хотите, мы будем друзьями,

Мне верная дружба нужна.

Что спорить, она откровенна,
Но только я хмуро молчу.
Ведь я же солгу непременно,
Когда ей скажу, что хочу.

1950

Вечер

За раскрытыми окнами бродит весна,
Звездный купол, мигая, над домом повис.
На соседнюю крышу уселась луна
И глядит в мою комнату, свесившись вниз.

Не беда, если в городе нет соловьев, –
Наверху у соседа запел патефон.

Ветер дышит таким ароматом цветов,
Словно только что был в парикмахерской он.

Я сижу, отложив недописанный стих,
Хитрый ветер в окно мою музу унес.
Лишь большая овчарка – мой преданный пес –
Делит вечер и скуку со мной на двоих.

– Ты, Барон, не сердись, что дремать не даю.
Мы остались вдвоем, так неси караул. –
Положил мне на рукопись морду свою,
Покосился на сахар и шумно вздохнул.

– Был ты глупым, пузатым, забавным щенком,
Свой автограф писал ручейком на коврах.
Я кормил тебя фаршем, поил молоком
И от кошки соседской спасал на руках.

Стал ты рослым и статным, кинжалы – клыки.
Грудь, как камень, такая не дрогнет в бою.
А влюбившись в красивую морду твою,
Много сучьих сердец позавянет с тоски.

Мы хозяйку свою отпустили в кино,
До дверей проводили, кивнули вослед
И вернулись обратно. А, право, смешно:
В третий раз «Хабанеру» заводит сосед!

Я немного сегодня в печаль погружен,
Хоть люблю я и шум, и веселье всегда.
Одиночество – скверная штука, Барон,
Но порой от него не уйдешь никуда.

Новый год, торжество ль первомайского дня,
Когда всюду столы и бокалов трезвон,
Хоть и много на свете друзей у меня,
Письма редки, почти не звонит телефон.

Но с хозяйкой твоей пятый год день за днем
К дальней цели иду я по трудным путям.
А какой мне ценой достается подъем,
Ни к чему это знать ни чужим, ни друзьям.

Нам с тобой не впервой вечера коротать.
Смех и говор за окнами смолкли давно.
Надо чайник поставить, стаканы достать –

Скоро наша хозяйка придет из кино.

Ветер, сонно вздыхая, травой шелестит,
Собираясь на клумбе вздремнуть до утра.
Звездный купол, мигая, над миром висит.
Спать пора...

1950

Ревность

Сдвинув брови, твердыми шагами
Ходит парень возле перекрестка.
В этот вечер под его ногами
Снег хрустит решительно и жестко.

Час назад в просторном зале клуба
Пестрый вихрь кружился, бушевал,
Пело сердце, рокотали трубы –
Был в разгаре молодежный бал.

Час назад он думал, что развеет
Подозрений горьковатый дым,
Час назад он верил, что владеет
Все еще сокровищем своим.

Но когда любимую увидел
С тем же длинным парнем в тубетейке,
В сердце злые шевельнулись змейки,
Он смотрел, молчал и ненавидел.

На площадке лестницы пустой
Видел он, как обнял тот подругу.
Вот они придвинулись друг к другу,
Вот поцеловались раз, другой...

Нет, им даром это не пройдет!
Он отвергнут, только он не сдался.
Он им все итоги подведет,
Зря он, что ли, боксом занимался!

Потому суровыми шагами
Ходит парень возле перекрестка.
И недаром под его ногами
Снег хрустит так твердо и так жестко.

Только для чего готовить мщенье
И катать на скулах желваки?
Если сердце терпит поражение,
Разве тут помогут кулаки?!

1950

Весна в лесу

Дятлы морзянку стучат по стволам:
«Слушайте, слушайте! Новость встречайте!
С юга весна приближается к нам!
Кто еще дремлет? Вставайте, вставайте!»

Ветер тропинкой лесной пробежал,
Почки дыханьем своим пробуждая,
Снежные комья с деревьев сметая,
К озеру вышел и тут заплясал.

Лед затрещал, закачался упрямо,
Скрежет и треск прозвучал в тишине.
Ветер на озере, точно в окне,
С грохотом выставил зимнюю раму.

Солнце! Сегодня как будто их два.
Сила такая и яркость такая!
Скоро, проталины все заполняя,
Щеткой зеленой ползет трава.

Вот прилетели лесные питомцы,
Свист и возню на деревьях подняв.
Старые пни, шапки белые сняв,
Желтые лысины греют на солнце.

Сонный барсук из норы вылезает.
Солнце так солнце, мы рады – изволь!
Шубу тряхнул: не побила ли моль?
Кучки грибов просушить вынимает.

Близится время любви и разлук.
Все подгоняется: перья и волос.
Зяблик, лирически глядя вокруг,
Мягко откашлявшись, пробует голос.

Пеной черемух леса зацвели,
Пахнет настоем смолы и цветений,
А надо всем журавли, журавли...
Синее небо и ветер весенний!

1950

После дождя

Дождь весь день хлестал, бесился
Над опушкой, над полями.
К ночи вдруг устал, смирился,
Мирно зазвенел ручьями.

Ветерок промчал по сучьям,
Месяц встал над перелеском,
Рукавом широким туча
Звезды вытерла до блеска.

Тень легла от вербы гибкой,
Над водой камыш согнулся,
Через речку светлый, зыбкий
Лунный мостик протянулся...

Я не сплю, мне душно, жарко.
Может, ветер слишком ласков?
Может, звезды слишком ярки?
Может, мир в особых красках?

Я иду по мокрым травам,
Запах клеверный вдыхая,
Слева – месяц, речка – справа,
Впереди – поля без края.

Кто увидит – отшатнется:
Человек ума лишился,
Человек поет, смеется,
Человек с дороги сбился.

Ну и пусть себе гадают,
Отчего я в поле вышел.
Знаю я, а он не знает,
Я слышал, а он не слышал,

Как совсем еще недавно
В блеске звезд она стояла.
– Мой единственный, мой славный.
Я люблю тебя!.. – сказала.

1950

Лыжник

Лыжи звенят на упругом снегу,
Птицы, поднявшись, над просекой выются,
Елки, дубы позади остаются...
Ветер... Я следом за ветром бегу!

Галка вспорхнет или заяц проскачет,
Крикну я вслед им – и дальше, вперед!
Дремлют в снегу подмосковные дачи,
В небе озябшее солнце встает.

Вниз, под уклон, только ветер в ушах!
Холод и страх овладеть не сумеют
Тем, кто горячее сердце имеет,
Крепкие нервы и силу в руках.

Завтра учеба: конспекты, зачеты,
Все подготовить в положенный срок.
В будни поможет упорней работать
Славный морозный воскресный денек!

Поле, за полем заснеженный лес...
Сколько тут солнца, простора и ветра!
Гриву раскинув на полкилометра,
Мимо со свистом промчался экспресс.

Тени вокруг все длинней, все темнее,
Вечер на сучьях развесил закат.
Птицы смолкают. Пора и назад!
Снег вдоль оврага слегка голубеет.

Я не устал, я не мерзну в пути.
Ветер, я мог бы с тобой потягаться!
Мог бы еще хоть до полюса мчаться,
Только мне завтра вставать к девяти.

1951

Любовь

Известно всем: любовь не шутка,
Любовь – весенний стук сердец,
А жить, как ты, одним рассудком
Нелепо, глупо наконец!

Иначе для чего мечты?
Зачем тропинки под луною?
К чему лоточницы весною
Влюбленным продают цветы?!

Когда бы не было любви,
То и в садах бродить не надо.
Пожалуй, даже соловьи
Ушли бы с горя на эстраду.

Зачем прогулки, тишина,
Коль не горит огонь во взгляде?
А бесполезная луна
Ржавела б на небесном складе.

Представь: никто не смог влюбиться
И люди стали крепче спать,
Плотнее кушать, реже бриться,
Стихи забросили читать...

Но нет, недаром есть луна
И звучный перебор гитары,
Не зря приходит к нам весна
И по садам гуляют пары.

Бросай сомнения свои!
Люби и верь. Чего же проще?
Не зря ночные соловьи
До хрипоты поют по рощам!

1951

Прогулка

Мы шли по росистой тропинке вдвоем
Под сосен приветственный шорох.
А дачный поселок – за домиком дом –
Сползал позади за пригорок.

До почты проселком четыре версты,
Там ждут меня письма, газеты.
– Отправимся вместе, – сказала мне ты
И тоже проснулась с рассветом.

Распластанный коршун кружил в вышине,
Тропинка меж сосен петляла
И, в речку сорвавшись, на той стороне
Вползала в кусты краснотала.

Смеялась ты, грустные мысли гоня.
Умолкнув, тревожно смотрела.
И, каюсь, я знал, что ты любишь меня,
Ты чувства скрывать не умела.

Цветущий шиповник заполнил овраг,
Туман по-над лугом стелился.
Любой убежденный ворчун-холостяк
В такое бы утро влюбился!

Я ж молод, и ты от меня в двух шагах –
Сердечна, проста и красива.
Ресницы такие, что тень на щеках.
Коса с золотистым отливом.

Трава клокотала в пьянящем соку,
Шумела, качаясь, пшеница.
«Любите!» – нам ветер шепнул на бегу.
«Любите!» – кричали синицы.

Да плохо ли вдруг, улыбнувшись, любя,
За плечи обнять дорожную.
И я полюбил бы, конечно, тебя,
Когда не любил бы другую.

Для чувств не годны никакие весы,
К другой мое сердце стремится.
Хоть нет у нее золотистой косы
И явно короче ресницы.

Да что объяснять! И, прогулку кляня,
Я пел, я шутил всю дорогу.
И было смешно тебе слушать меня
И больно, пожалуй, немного.

Тут все бесполезно: прогулка, весна,
Кусты и овражки с ручьями.
Прости, я другую любил, и она,
Незримая, шла между нами.

Снежный вечер

Снег кружится пушистой каруселью,
За окнами проулка не видать.
Звонок в прихожей дрогнул резкой трелью,
И мать пошла, вздыхая, открывать.

Наверно, дочь пришла из института,
Сегодня зимней сессии конец.
Ведь знает, что волнуется отец
И мать считает каждую минуту.

А не спешит... Да где уж там спешить!
Завелся друг... Он всюду рядом с нею.
– Мне, мама, Петя должен позвонить.
Ты знаешь, папа, Петя был на Шпрее.

У Пети превосходный реферат,
Он лучший оформитель стенгазеты. –
Дверь хлопнула. Ну вот они, стоят,
Сияют, как две новые монеты.

– Взгляни, отец, уж за окошком ночь,
А им денек коротким показался. –

Парнишка вдруг смущенно затоптался,
И, вспыхнув, густо покраснела дочь.

Летел от щеток веер снежной пыли,
Но что случилось: радость иль беда?
Дочь вдруг сказала: – Папа, мы решили. –
А паренек добавил: – Навсегда!

Но кто бы смог все угадать заранее?
Родители застыли у стола.
Мать сливки на клеенку пролила,
А папа стал мешать в пустом стакане.

Они взглянули молча друг на дружку,
И каждый был немало удивлен.
Дремал лишь кот, свой скучный, длинный сон
Мотая на скрипучую катушку.

А у двоих сегодня – кровь ключом.
Кто сможет, кто заставит их расстаться?
И глупо ждать цветения акаций,
У них весна. И снег тут ни при чем!

Встал старый врач, пуская кольца дыма,
Взглянул на дочь пытливно сквозь очки.
Потом сказал: – Болезнь неизлечима. –
И улыбнулся: – Право, дурачки!

Стоят и ждут родительских укоров,
А оба и смешны и хороши.
И толку нет от скучных разговоров.

– Ну что же, мать, поздравим от души?!

Мать край косынки поднесла к глазам,
А парень молвил тихо, но упрямо:

– Мы все навек решили пополам. –

И в первый раз добавил: – Верьте, мама!

Метель швыряла колкий снег в лицо,

Под арками дворов стонала гулко,

А двое снова вышли на крыльцо

И вновь пошли бродить по переулкам.

Счастливые – им дома не сидится.

Влюбленные – их тьмой не запугать.

Идти им и дорог не разбирать,

Им говорить и не наговориться!

1955

«РЫЖИК»

У низенькой калитки
Судьба столкнула их.
Блестели солнца слитки
На травах молодых.

Два паренька молчали.
Ведь цель у них одна,
Одни у них печали:
Вот здесь живет она.

Та, что смеется звонко,
О ком их сердце мрет,
Глазастая девчонка –
Колхозный счетовод.

Двоим хоть поругаться,
И, право, как им быть:
Кому из них остаться,
Кому из них входить?

Один не даст подругу
Отбить. Высок, плечист.
Краса на всю округу –
Шофер и футболист.

Другой пониже ростом,
Но ладно, крепко сбит.
Себя он держит просто,
Да бойко говорит.

Дежурный с полустанка,
Фуражка – алый цвет.
Проснувшись спозаранку,
Он даже взял букет.

Большой букет сирени.
А может, зря и брал?
Но, потеряв терпенье,
Высокий вдруг сказал:

– Довольно зря топтаться,
Ждать больше нету сил!
Идем, пора дознаться,
Пусть скажет, кто ей мил.

Все выясним без злобы,
Без драки и без ссор. –
Так порешили оба
И двинулись во двор.

Горел закат над лугом...
Без тропок, целиной
«Краса на всю округу»
Уныло брел домой.

На сердце было тяжело:
Другой остался с ней.
В своей большой фуражке
Гриб рыжик. Ей-же-ей!

А покори́л подру́гу.
Но почему и как?
«Краса на всю округу»
С досадо́й сжал кулак.

Он шел по первоцветам,
Сердился и не знал,
Что «рыжик» был поэтом,
Он ей стихи читал.

1956

«Хоть я не зол, но помнить я умею...»

Хоть я не зол, но помнить я умею
Обиды те, что ранили мне душу.
И мстить решив – решенья не нарушу,
С врагом сойдясь – его не пожалею.

Но ты велишь – я добрым стану снова
И ствол разящий в землю обращаю.
Скажи мне только ласковое слово –
И я обиду недругу прощу.

Мой путь суров: он крут и каменист.
А что ни шаг – труднее крутизна.
И вот упал я под метельный свист,
Все силы разом исчерпав до дна...

Коль будет так и этот час придет,
Лишь ты сумеешь отвратить беду:
Поверь в меня, скажи, что я дойду, –
И встану я, и вновь шагну вперед!

1956

Женщина сказала мне однажды...

Женщина сказала мне однажды:

– Я тебя люблю за то, что ты
Не такой, как многие, не каждый,
А духовной полон красоты.

Ты прошел суровый путь солдата,
Не растратив внешнего огня.
Все, что для тебя сегодня свято,
То отныне свято для меня.

В думах, в сердце только ты один.
Не могу любить наполовину.
Мир велик, но в нем один мужчина,
Больше нету на земле мужчин.

Мне с тобою не страшны тревоги,
Дай мне руку! Я не подведу.
Сквозь невзгоды, по любой дороге
Хоть до звезд, счастливая, дойду!

...Годы гасли, снова загорались
Вешними зарницами в реке.
И слова хорошие остались
Легкой рябью где-то вдалеке.

И теперь я должен был узнать,
Что весь мир – курорты с магазинами
И что свет наш заселен мужчинами
Гуще, чем я мог предполагать.

А потом та женщина, в погоне
За улыбкой нового тепла,
Выдернула руку из ладони
И до звезд со мною не дошла...

Жизнь опять трудна, как у солдата.
Годы, выюги, версты впереди...
Только верю все же, что когда-то
Встретится мне женщина в пути.

Из таких, что верности не губит,
Ни рубля не ищет, ни венца,
Кто, коли полюбит, то полюбит,
Только раз и только до конца.

Будет звездным глаз ее сияние,
И, невзгоды прошлого гоня,
В синий вечер нашего свидания
Мне она расскажет про меня.

– Как же ты всю жизнь мою измерила?
Ворожила? –
Улыбнется: – Нет,
Просто полюбила и поверила,

А для сердца – сердце не секрет!

И пойду я, тихий и торжественный,
Сквозь застывший тополиный строй.
Словно праздник, радостью расцвеченный,
Не постылый вновь и не чужой.

И, развеяв боль, как горький пепел,
Так скажу я той, что разлюбила:
– Нынче в мире женщину я встретил,
Что меня для счастья воскресила!

1958

Она была так хороша собой

Она была так хороша собой,
Что все мужчины с жаром каждый раз
Любой каприз, любой ее приказ
Бросались выполнять наперебой.

А время шло... Тускнел пожар волос.
Она ж не чтит никаких резонов.
И как-то раз, капризно сморщив нос,
Она сказала: – Я хочу пионов!

И вдруг удар: никто не вострепнулся,
На божество никто не поднял глаз.
И только муж пробормотал: – Сейчас. –
Пробормотал, а сам не шелохнулся...

Тогда ей было впору зарыдать.
Она была жалка в своих страданиях.
Как важно в жизни, помня о желаньях,
Возможностей своих не забывать!

У киоска

Осень сдвинула седые
Брови над столицей.
В стекла голыми, худыми
Ветками стучится.

Сыплет дождь на тротуары,
Ветром рвет афиши,
Гонит воду вдоль бульваров,
Гнет листы на крышах.

Нету праздного народа –
Все куда-то мчатся.
Зябко... Скверная погода!
Фонари слезятся.

У газетного киоска
Мокрый весь, хоть выжми,
Кто-то курит папироску,
Тихий и недвижимый.

Мчат трамваи с резким звоном,
Светофор мигает,
Ночь висит на ветках клена,
Город засыпает...

Он же от угла ни шагу
В сумраке осеннем.
Все на мокрого беднягу
Смотрят с удивленьем.

Что стоит он у киоска?
Чем он так расстроен?
Лишь один у перекрестка
Постовой спокоен.

Он-то видит, он-то знает,
Он осведомленный:
Так стоит и так вздыхает
Лишь один влюбленный!..

1958

«Люблю я собаку за верный нрав...»

Люблю я собаку за верный нрав.
За то, что, всю душу тебе отдав,
В голоде, в холоде или разлуке
Не лижет собака чужие руки.

У кошки-дуры характер иной.
Кошку погладить может любой.
Погладил – и кошка в то же мгновенье,
Мурлыча, прыгает на колени.

Выгнет спину, трется о руку,
Щурясь кокетливо и близоруко.
Кошке дешевая ласка не стыдна,
Глупое сердце недальновидно.

От ласки кошачьей душа не согрета.
За крохи немного дают взамен:
Едва лишь наскучит мурлыканье это –
Встанут и сбросят ее с колен.

Собаки умеют верно дружить,
Не то что кошки – лентяйки и дуры.
Так стоит ли, право, кошек любить
И тех, в ком живут кошачьи натуры?!

Ручей

Ручеек протекал меж упругих корней,
Над водою березы качали ветвями.
Много славных девчат и веселых парней
Из поселка ходило сюда вечерами.

Приходили, чтоб шорох берез услышать,
Чтоб сказать... Чтобы в самом заветном открыться.
В роще можно вдвоем до рассвета гулять,
А устав, у ручья посидеть и напиться.

Далеко, над лугами звенела гармонь,
Локон девичий в быстрой воде отражался.
Под тугую струю подставлялась ладонь,
А ручей все бежал по камням и смеялся...

Люди, месяц, деревья – тут все заодно.
У ручья все влюбленные пары встречались.
Даже те, что женатыми были давно,
Здесь как будто бы снова друг в друга влюблялись.

Я любил. Но мечте черноглазой моей
Я, робея, сказать о любви не решался.
Я, встречаясь, молчал. Я краснел до ушей.
Но однажды, вдруг сам испугавшись, признался.

Я сказал, что не знаю ни ночи, ни дня,
Что брожу постоянно за нею по следу
И что, если она не полюбит меня,
Я умру или к тетке в Воронеж уеду.

– Взять плацкарт не забудь, – улыбнулась она.
И ушла по тропинке, а сумрак сгущался.
Я смотрел, как тоскливо вставала луна,
А ручей все бежал по камням и смеялся...

Но однажды я вновь на свиданье пришел,
Я сказал ей: – Довольно шутить надо мною!
Не затем я без сна эти ночи провел,
Чтобы, сдавшись, опять примириться с судьбою.

Не хочу больше в сердце носить мою грусть,
Все ребята, наверно, смеются над нами. –
Я нашел ее губы... Рассердится? Пусть!
Но она обвила мою шею руками...

Звезды вспыхнули ярко тогда надо мной,
Я с любимой в ту ночь до рассвета прощался.
Удивленно березы шумели листвою,
А ручей все бежал по камням и смеялся...

1960

Улетают птицы

Осень паутинки развевает,
В небе стаи, будто корабли –
Птицы, птицы к югу улетают,
Исчезая в розовой дали...

Сердцу трудно, сердцу горько очень
Слышать шум прощального крыла.
Нынче для меня не просто осень –
От меня любовь моя ушла.

Улетела, словно аист-птица,
От иной мечты помолодев,
Не горя желанием проститься,
Ни о чем былом не пожалев.

А бывшее – песня и порыв.
Юный аист, птица-длинноножка,
Ранним утром постучал в окошко,
Счастье мне навечно посулив.

О, любви неистовый разбег,
Жизнь, что обжигает и тревожит!
Человек, когда он человек,
Без любви на свете жить не может.

Был тебе я предан, словно пес,
И за то, что лаской был согретым,
И за то, что сына мне принес
В добром клюве ты веселым летом.

Как же вышло, что огонь утих?
Люди говорят, что очень холил,
Лишку сыпал зерен золотых
И давал преступно много воли.

Значит, баста! Что ушло – пропало.
Я солдат. И, видя смерть не раз,
Твердо знал: сдаваться не пристало,
Стало быть, не дрогну и сейчас.

День окончен, завтра будет новый.
В доме нынче тихо... Никого...
Что же ты наделал, непутевый,
Глупый аист счастья моего?!

Что ж, прощай и будь счастливой, птица!
Ничего уже не воротить.
Разбранившись – можно помириться,
Разлюбивши – вновь не полюбить.

И хоть сердце горя не простило,
Я, почти чужой в твоей судьбе,
Все ж за все хорошее, что было,
Нынче низко кланяюсь тебе...

И довольно! Рву с моей бедою.
Сильный духом, я смотрю вперед.
И, закрыв окошко за тобою,
Твердо верю в солнечный восход.

Он придет, в душе растопит снег,
Новой песней сердце растревожит.
Человек, когда он человек,
Без любви на свете жить не может.

1960

* * *

Солдатики спят и лошадки,
Спят за окном тополя.
И сын мой уснул в кроватке,
Губами чуть шевеля.

А там, далеко у моря,
Вполнеба горит закат
И, волнам прибрежным вторя,
Чинары листвой шуршат.

И женщина в бликах заката
Смеется в раскрытом окне,

Точь-в-точь как смеялась когда-то
Мне... Одному лишь мне...

А кто-то, видать, бывалый
Ей машет снизу: «Идем!
В парке безлюдно стало,
Побродим опять вдвоем».

Малыш, это очень обидно,
Что в свете закатного дня
Оттуда ей вовсе не видно
Сейчас ни тебя, ни меня.

Идут они рядом по пляжу,
Над ними багровый пожар.
Я сыну волосы глажу
И молча беру портсигар.

1960

* * *

Я любил соседку – тетю Зину.
И в свои неполных восемь лет
Я в лесу таскал за ней корзину,
Я в ладони сыпал ей малину,
И, блюдя достоинство мужчины,

Я не брал предложенных конфет.

Взрослые нередко с детворой
Попросту ломают дурака:
То мораль читают свысока,
То сфальшивят, то прилгнут слегка...
Тетя Зина не была такой.

Нет, никто так дружественно-просто
Не вникал в мальчишечьи дела,
Как она, когда со мною шла
Босиком по многоцветным росам.

Солнце нас у речки заставляло.
Под высокой вербой, на песке,
Расстелив простое одеяло,
Тетя Зина книгу раскрывала,
Я, визжа, барахтался в реке.

Глядя вдаль, порою, как во сне,
Тетя Зина говорила мне:
– Лучший отдых после шума главка
Тишь реки да молодая травка.
А тому, кто счастлив не вполне,
Средство, превосходное вдвойне.

И, захлопнув книгу второпях,
Вскакивала с легкостью пружинки.
Через миг она уже в волнах:

Брызги, хохот, звон стоял в ушах!
Злые и веселые смешинки
Прыгали тогда в ее глазах.

Но веселье шло порой без толку.
Тетин хохот сразу умолкал,
Если вдруг на лодке подплывал,
С удочкой или держа двустволку,
Наш сосед по дачному поселку.

С черноусым дядею Степаном
Тете Зине «просто тошно было»,
Инженера тетя не любила
И частенько за глаза дразнила
Лупоглазым черным тараканом.

А когда твердили ей соседки:
Женихи-де нынче ой как редки,
Быть вдовой – не радостный пример!
Тетя Зина, выслушав их речи,
Обнимала вдруг меня за плечи
И смеялась: – Вот мой кавалер!

Замирая при таких словах,
Я молчал, пунцовый от смущенья,
И, жуя ванильное печенье,
Подымался в собственных глазах.

Дети любят просто, без обмана.

В души их не заползет изъян.
Был ей неприятен Таракан –
Я возненавидел Таракана.

Я был горд, я был тщеславно рад:
Ведь у тети Зины на столе,
Меж коробок с пудрой и помад,
Высился, как замок на скале,
Мой подарок – боевой фрегат.

А когда прощанья час настал,
Я шагал по лужам к тете Зине
И к груди картину прижимал,
Ту, что три недели малевал,
Под названием «Караван в пустыне».

Сколько мук в тот день я пережил,
Сколько раз вздохнул я по дороге,
Но когда я двери отворил,
Я застыл, как камень, на пороге:

Меж бутылок и колбасных шкурок
На столе валялся мой фрегат.
Нос был сковородкою прижат,
А над рубкой высился окурок.

Дым табачный плавал над столом.
Было жарко. А в углу дивана
Тетя Зина с радостным лицом

Нежно целовала Таракана...

Я завыл. Я заревел с тоски!
Я бежал сквозь сад тогда с позором.
Дождь хлестал, и ветер дул с напором,
А верблюды, солнце и пески
Мокли в грязной луже под забором.

Этот день с его печальной сценой
В памяти оставил горький след.
Так еще восьми неполных лет
Был сражен я «женскою изменой»!

1960

Сердце

Милую полюбя,
Я не играл с ней в прятки:
И сердце свое, и себя –
Все отдал ей без остатка.

Но хоть смущена была,
Недолго она колебалась:
Сердце мое взяла,
А от меня отказалась.

Видимо, лестно ей
Было, гордясь красою,
Сердце мое, как трофей,
Всюду носить с собою.

Пусть тешится! Ей невдомек,
Что тем себя и погубит.
Слишком опасен ток
В сердце, которое любит.

В холод груди ее
Тайный огонь пройдет,
Сразит ее сердце мое,
Всю, не щадя, сожжет.

Кружите, ветры, смеясь!
Твердите, что я чужак!
Но верю я – грянет час.
Но знаю я – будет так:

С глазами, полными слез,
Милую, всю в огне,
Сердце мое, как пес,
Назад приведет ко мне!

1960

Стихи о гордой красоте

Как нежданного счастья вестник,
Ты стоишь на пороге мая,
Будто сотканная из песни,
И загадочная, и простая.

Я избалован счастьем мало.
Вот стою и боюсь шевелиться:
Вдруг мне все это только снится,
Дунет ветер... и ты – пропала?!

Ветер дунул, промчал над садом,
Только образ твой не пропал.
Ты шагнула, ты стала рядом
И чуть слышно спросила: «Ждал?»

Ждал? Тебе ли в том сомневаться!
Только ждал я не вечер, нет.
Ждал я десять, а может статься,
Все пятнадцать иль двадцать лет.

Потому и стою, бледнея,
И взволнованный и немой.
Парк нас манит густой аллеей,
Звезды кружат над головой...

Можно скрыться, уйти от света
К соснам, к морю, в хмельную дрожь.
Только ты не пойдешь на это,
И я рад, что ты не пойдешь.

Да и мне ни к чему такое,
Хоть святым и не рвусь прослыть.
Просто, встретив хоть раз большое,
Сам не станешь его дробить.

Чуть доносится шум прибоя,
Млечный Путь, как прозрачный дым...
Мы стоим на дороге двое,
Улыбаемся и молчим...

Пусть о грустном мы не сказали,
Но для нас и так не секрет,
Что для счастья мы опоздали,
Может статься, на много лет.

Можно все разгромить напасти.
Ради счастья – преграды в прах!
Только будет ли счастье – счастьем,
Коль на детских взойдет слезах?

Пусть иные сердца ракетой
Мчатся к цели сквозь боль и ложь.
Только ты не пойдешь на это,
И я горд, что ты не пойдешь!

Слышу ясно в душе сегодня
Звон победных фанфарных труб,
Хоть ни разу тебя не обнял
И твоих не коснулся губ.

Пусть пошутят друзья порою.
Пусть завидуют. В добрый час!
Я от них торжества не скрою,
Раз уж встретилось мне такое,
Что встречается только раз!

Ты не знаешь, какая сила
В этой гордой красе твоей!
Ты пришла, зажгла, окрылила,
Снова веру в меня вселила,
Чище сделала и светлей.

Ведь бывает, дорогой длинной,
Утомленный, забыв про сон,
Сквозь осоку и шум осинный
Ты идешь под комарный звон.

Но однажды ветви раздвинешь –
И, в ободранных сапогах,
На краю поляны застынешь
В солнце, в щебете и цветах.

Пусть цветов ты не станешь рвать,

А, до самых глубин взволнованный,
Потрясенный и зачарованный,
Долго так вот будешь стоять.

И потянет к лугам, к широтам,
Прямо к солнцу... И ты шагнешь!
Но теперь не пойдешь болотом,
Ни за что уже не пойдешь!

1960

Доверчивый супруг

Лет с десяток замужем пробыв,
Стали вы скучны и деловиты
И все чаще, ласку отстранив,
Цедите, зевая нарочито:

– Поцелуй? Ты прости, мой свет,
Если я иронии не скрою.
Только глупо в тридцать с лишним лет
Нам влюбленным подражать порою.
Может быть, я сердцем постарела,
Только я прохладна на любовь.
В тридцать уж не те душа и тело
И не та течет, пожалуй, кровь.

А супруг? Бывают же на свете
Чудаки, наивные, как дети!
Выслушав жену, не оскорбился,
А вздохнул, поверил и смирился.

А ему хоть раз бы приглядеться,
Как для большей нежности лица
Ультракосметические средства
Пробуются в доме без конца.

А ему бы взять да разобраться,

Так ли в доме все благополучно,
Если вы с ним, прежде неразлучны,
Очень полюбили расставаться?

А ему бы взять да усомниться,
Надо ль вечно гладить по головке?
А ему хоть раз бы возвратиться
Раньше срока из командировки!

И проверить: так ли уж прохладно
Без него у милой сердце бьется?..
И увидеть... Впрочем, хватит, ладно!
Он и сам, быть может, разберется!

1960

Хорошие люди

*Генерал-лейтенанту Ивану Семеновичу
Стрельбицкому*

Ветер, надув упругие губы,
Гудит на заре в зеленые трубы.
Он знает, что в городе и в селе
Хорошие люди живут на земле.

Идут по планете хорошие люди.
И может быть, тем уж они хороши,
Что в труд свой, как в песню, им хочется всюду
Вложить хоть частицу своей души.

На свете есть счастье – любви, открывая.
Но слышишь порой: «Разрешите заметить,
Ведь хочется в жизни хорошего встретить,
А где он, хороший! Поди угадай!»

Как узнавать их? Рецептов не знаю.
Но вспомните сами: капель, гололед...
Кружили вокруг фонарей хоровод
Снежинки. А вы торопились к трамваю.

И вдруг, поскользнувшись у поворота,
Вы больно упали, задев водосток.

Спешили прохожие мимо... Но кто-то
Бросился к вам и подняться помог.

Быстро вам что-то сказал, утешая,
К свету подвел и пальто отряхнул,
Подавал вам сумку, довел до трамвая
И на прощанье рукою махнул.

Случай пустячный, конечно, и позже
В памяти вашей растаял, как снег,
Обычный прохожий... А что, если, может,
Вот это хороший и был человек?!

А помните – было однажды собрание.
То, где работника одного
Суровый докладчик подверг растерзанью,
Тысячу бед свалив на него.

И плохо б пришлось горемыке тому,
Не выступи вдруг сослуживец один –
Ни другом, ни сватом он не был ему,
Просто обыкновенный гражданин.

Но встал и сказал он: – Неладно, друзья!
Пусть многие в чем-то сейчас правы,
Но не рубить же ему головы.
Ведь он не чужой нам. И так нельзя!

Его поддержали с разных сторон.

Людей будто новый ветер коснулся.
И вот уже был человек спасен,
Подвергнут критике, но спасен
И даже робко вдруг улыбнулся.

Такой «рядовой» эпизод подчас
В памяти тает, как вешний снег.
Но разве тогда не прошел возле вас
Тот самый – хорошей души человек?!

А помните... Впрочем, не лишку ли будет?!
И сами вы, если услышите вдруг:
Мол, где они, эти хорошие люди? –
Ответьте уверенно:
Здесь они, друг!

За ними не надо по свету бродить,
Их можно увидеть, их можно открыть
В чужих или в тех, что знакомы нам с детства,
Когда вдруг попристальней к ним приглядеться,
Когда вдруг самим повнимательней быть.

Живут на планете хорошие люди,
Красивые в скромности строгой своей.
Привет вам сердечный, хорошие люди!
Большого вам счастья, хорошие люди!
Я верю: в грядущем Земля наша будет
Планетою только хороших людей.

1961

Разрыв

Битвы словесной стихла гроза.
Полные гнева, супруг и супруга
Молча стояли друг против друга,
Сузив от ненависти глаза.

Все корабли за собою сожгли,
Вспомнили все, что было плохого.
Каждый поступок и каждое слово –
Все, не щадя, на свет извлекли.

Годы их дружбы, сердец их биенье –
Все перечеркнуто без сожаленья.
Часто на свете так получается:
В ссоре хорошее забывается.

Тихо. Обоим уже не до споров.
Каждый умолк, губу закусив.
Нынче не просто домашняя ссора,
Нынче конец отношений. Разрыв.

Все, что решить надлежало, решили.
Все, что раздела ждало, разделили.
Только в одном не смогли согласиться,
Это одно не могло разделиться.

Там, за стеною, в ребящем углу,
Сын их трудился, сопя, на полу.
Кубик на кубик. Готово! Конеч!
Пестрый, как сказка, вырос дворец.

– Милый! – подавленными голосами
Молвили оба. – Мы вот что хотим... –
Сын повернулся к папе и маме
И улынулся приветливо им.

– Мы расстаемся... совсем... окончательно...
Так нужно, так лучше... И надо решить.
Ты не пугайся. Слушай внимательно:
С мамой иль с папой будешь ты жить?

Смотрит мальчишка на них встревоженно.
Оба взволнованы... Шутят иль нет?
Палец в рот положил настороженно.
– И с мамой, и с папой, – сказал он в ответ.

– Нет, ты не понял! – И сложный вопрос
Каждый ему втолковать спешит.
Но сын уже морщит облупленный нос
И подозрительно губы кривит...

Упрямо сердце мальчишечье билось,
Взрослых не в силах понять до конца.
Не выбирало и не делилось.
Никак не делилось на мать и отца!

Мальчишка! Как ни внушали ему,
Он мокрые щеки лишь тер кулаками,
Никак не умея понять: почему
Так лучше ему, папе и маме?

В любви излишен всегда совет.
Трудно в чужих делах разбираться.
Пусть каждый решает, любить или нет,
И где сходиться, и где расставаться.

И все же порой в сумятице дел,
В ссоре иль в острой сердечной драме
Прошу только вспомнить, увидеть глазами
Мальчишку, что драмы понять не сумел
И только щеки тер кулаками.

1961

Попутчица

– Мой муж бухгалтер, скромный, тихий малый,
Заботлив, добр, и мне неплохо с ним.
Но все-таки когда-то я мечтала,
Что мой избранник будет не таким.
Он виделся мне рослым и плечистым,
Уверенно идущим по земле.
Поэтом, музыкантом иль артистом,
С печатью вдохновенья на челе.

Нет, вы не улыбайтесь! Я серьезно.
Мне чудился громадный, светлый зал
И шум оваций, яростно и грозно
К его ногам катящийся, как вал.

Или вот так: скворцы, веранда, лето.
Я поливаю клумбу с резедой,
А он творит. И сквозь окно порой
Нет-нет и спросит у меня совета.

Вагон дремал под ровный стук колес...
Соседка, чиркнув спичкой, закурила.
Но пламени почти не видно было
При пламенной косметике волос.

Одета ярко и не слишком скромно,

Хорошенькое круглое лицо,
В ушах подвески, на руке кольцо,
Вишневый рот и взгляд капризно-томный.

Плывет закат вдоль скошенного луга,
Чай проводник разносит не спеша,
А дама все описывает друга,
Которого ждала ее душа.

Чего здесь только нет: талант, и верность,
И гордый профиль, и пушистый ус,
И мужество, и преданность, и нежность,
И тонкий ум, и благородный вкус...

Я промолчал. Слова нужны едва ли?!
И все ж хотелось молвить ей сейчас:
«Имей он все, о чем вы тут сказали,
Он, может быть, и выбрал бы не вас».

1961

Телефонный звонок

Резкий звон ворвался в полутьму,
И она шагнула к телефону,
К частому, настойчивому звону.
Знала, кто звонит и почему.

На мгновенье стала у стола,
Быстро и взволнованно вздохнула,
Но руки вперед не протянула,
И ладонь на трубку не легла.

А чего бы проще: взять и снять
И, не мучась и не тратя силы,
Вновь знакомый голос услышать
И опять оставить все, как было.

Только разве тайна, что тогда
Возвратятся все ее сомненья.
Снова и обман, и униженья –
Все, с чем не смириться никогда!

Звон кружил, дрожал, не умолкая,
А она стояла у окна,
Всею душою, может, понимая,
Что менять решения не должна.

Все упрямей телефон звонил,
Но в ответ – ни звука, ни движения.
Вечер этот необычным был,
Этот вечер – смотр душевных сил,
Аттестат на самоуважение.

Взвыл и смолк бессильно телефон.
Стало тихо. Где-то пели стройно...
Дверь раскрыла, вышла на балкон.
В первый раз дышалось ей спокойно.

1961

Апрель

Москва. Апрель. Воскресный день.
Край облака рассветно-розов...
Природе, видно, вновь не лень
Конфузить Институт прогнозов.

Грозы и ветра нет в помине,
По скверам прыгают грачи,
Ошибся институт... Но ныне
Ему прощают москвичи.

И мы прощаем: я и Вера.
В пожатые рук – горячий ток...
И нас несет людской поток
Вдоль набережной, мимо сквера.

Весна зеленой веткой машет,
Ручьем бежит, поет скворцом...
Нам весело – ведь мы вдвоем!
Все ближе, ближе губы наши.

Минута – и они сольются
Днем на глазах у всей Москвы...
Стоп! Не теряйте головы –
Ведь люди рядом засмеются.

Вдруг, яркой мыслью озаренный,
Увидев впереди вокзал,
Я улыбнулся и сказал:
– Хитер на выдумку влюбленный!

Вдоль шумно-пестрого перрона
Стоит экспресс «Москва – Чита».
Смех, слезы, говор, теснота...
Идет прощанье у вагонов.

– Прощай, Степан, счастливый путь!
– Марго, привет горячий Зине!
– Андрюша, детка, не забудь,
Тут сыр, а курочка в корзине.

Я в девичьи глаза смотрю –
Не рассказать, как их люблю я.
– Пиши! – я громко говорю
И нежно милую целую.

В толпе мы – как в глуши дубрав.
До нас тут никому нет дела.
Но вот свисток... Рванул состав –
И вмиг платформа опустела.

Как быть? Куда теперь идти?
Нашел! И я шепчу подруге:
– Бежим! К четвертому пути
Подходит скорый из Калуги.

Дорожная встреча

Было нас трое в купе одном:
Моряк, богатырски храпевший над нами,
И мы – это я и волгарь-агроном,
Плечистый, с застенчивыми глазами.

Мы с ним толковали о ржи и о гречке.
И я, немного в том смысла порой,
Нет-нет да и важно вставлял словечко, –
Знай наших, хоть я, мол, и городской!

До книг, до стихов добрались мы потом.
Но он не смотрел мне восторженно в рот,
А стал вдруг цитировать стих за стихом, –
Знай тоже, мол, наших, хоть я – полевод!

Ложились мы в первом часу, вероятно.
И тут, отвернувшись на миг, из блокнота
Он вынул потертое женское фото,
Взглянул, улыбнулся и спрятал обратно.

– Так, так! – прогудел вдруг раскатистый бас.
Проснулся моряк, усмехнулся, зевая. –
Красавицу прячете? Молодая?
Женаты, конечно? По опыту знаю,
Проведает женка – ох, перцу ж и даст!

Слегка растерявшись, тот выключил свет.
С минуту иль две была тишина.
Потом он ответил: – А тайны и нет.
Это жена. Вы не смейтесь, сосед.
Честное слово, это жена.

– Простите, – моряк пробасил смущенно.
Понятно. Бывал в положение таком.
Счастливое время... Молодожены...
– Да нет, мы двенадцатый год живем.

И чувствуя, видно, как подняли брови
Оба соседа, он в тишине
Стал говорить вдруг просто, с любовью,
С любовью... о собственной о жене.

Как встретил в клубе ее впервые,
Как в первый раз сказал ей: «Жена...»,

Какие глаза у нее озорные
И как хорошо смеется она.

– Немного капризная, правда, бедовая,
Балую тоже и сам порой,
Орехи очень любит кедровые,
Чуть не мешок вот везу домой.

Был на Урале в командировке,

Две недели дано мне было.

А я в полторы достал сортировки... –
Моряк улыбнулся: – И снова к милой?

Мы с флотским шутили, острили зубато,
Но было нам вроде неловко немного.
Ну так, словно были мы в чем виноваты
Пред теми, с кем нас разлучила дорога.

Он вышел в Бекетовке. Снова мрак
Гудел от вагонной дрожи.
– Хороший парень, – сказал моряк, –
Душевный парень, и все же...

Таких, к сожалению, жены порой
Не очень-то любят и ценят не очень.
Зря раньше срока он едет домой.
Всякое может застать, между прочим...

Он выкурил трубку и вновь – храпака.
Бывалому всюду родная каюта!
А мне не спалось. От слов моряка
Стало грустно вдруг почему-то.

И впрямь не слишком ли часто бывает,
Что многие странно живут порой:
На чувства холодом отвечают,
На холод – нежностью и тоской?

Не знаю, как будет попутчик наш встречен,
Не ведаю, что у него за жена,
Но мне захотелось вдруг в этот вечер
Сказать, чтоб смогла услышать она:

– Послушайте, незнакомка далекая!
Не знаю: хорошая вы или скверная,
Сердечная, добрая или жестокая,
Но то, что любимая, – знаю наврное!

Поймите: в вагоне, соседям на час
Обычно не лгут никогда. Зачем?
Вас любят! А это один только раз
Встречается людям, и то не всем!

Поэтому, если вы любите тоже,
Привет вам сердечный!.. Но если вдруг
Сосед мой недаром меня встревожил
И встретится с болью ваш лучший друг,

Стойте тогда! Удержитесь от взгляда,
От тайных улыбок и тайных встреч!
Поймите: любовь не оплевывать надо,
А либо отвергнуть, либо беречь!..

Прислушался: ровно сосед мой дышит.
Он рядом – и то услышать не мог.
А до нее километры дорог...
Все верно. И все-таки вдруг услышит?!

1961

Твой подарок

День рожденья я с раннего детства любил.
За сюрприз посредине стола,
И за то, что я в школу в тот день не ходил,
И за торт, что мне мама пекла.

Были трудными годы, подарки – скромны,
Но был счастлив я, шашку беря.
И казалось на сутки возвратом весны
Мне седьмое число сентября.

Шашка – радость. Воздушен кусок пирога.
Только в этом ли главное было?!
– Тут не дорог подарок – любовь дорога, –
Мне с улыбкою мать говорила.

Эту старую мудрость постиг я вполне
Много позже, когда подо Мгою
День рожденья, меня отыскав на войне,
В блиндаже повстречался со мною.

Мы сквозь ливень пришли после боя назад,
Печь, треща, разливала жару,
Пар клубился над мокрой одеждой солдат,
Как туман над рекой поутру.

И когда нам вино старшина отмерял
Строго – Боже спаси просчитаться! –
Писарь, роясь в каких-то бумагах, сказал:
– А у нас новорожденный, братцы!

Пусть в далекие дали ушел этот день,
Но и ныне он в памяти ярок.
Все богатство солдата – шинель да ремень,
Где солдат раздобудет подарок?

Но сквозь дальние годы я вижу блиндаж
И на ящике из-под снаряда –
Десять кружек.
– Бери, брат наводчик, уважь!
Чем богаты, тем, значит, и рады!

Кружки были под стать продубленным бойцам,
В метках ссадин, просты, грубоваты,

В каждой ровно сто грамм, фронтовые сто грамм,
Что дают после боя солдату.

Юбиляру же, как ни взволнован он был,
Было все ж от чего растеряться,
Если водки он в жизни почти и не пил,
А сравнялось ему восемнадцать.

После третьей – блиндаж покачнулся слегка
И на песенных крыльях поплыл...

– Тут, брат, суть не в подарках – любовь дорога!
Улыбаясь, сержант пробасил.

Годы шли... И недавно, когда листопад
Закружил среди дачных огней,
День рожденья, как год и как десять назад,
Вновь созвал в моем доме гостей.

Нынче весело. Тосты смешны и бойки,
Каждый быть бесшабашным готов,
Хоть у многих уже посветлели виски
От забот и студеных ветров.

Я смеялся, а в сердце тревога росла.
Ты ведь первой прийти обещала.
– Вот приду и отвечу, – сказала.
Стукнет дверь – стукнет сердце: пришла, не пришла?

И когда вдруг вошла ты в веселом огне
Своих солнечно-теплых волос,
И когда подошла, улыбаясь, ко мне –
Все смела: и укор, и вопрос.

И сказала, как будто все беды рубя:
– Все решила я. Дар принимаешь?
Я дарю тебе душу свою и себя.
Насовсем, навсегда! Понимаешь?

«Я дарю тебе душу свою и себя!»

То ли ветер гудит у реки?
«Я дарю тебе душу свою и себя!»
То ли сердце стучится в виски?

Неужели я счастье схватил за рога?
И впервые сказать не пришлось,
Что не дорог подарок – любовь дорога,
Если все воедино слилось!

Только знаешь, сейчас говорить о любви
Я не в силах простыми словами.
Хочешь, чуть старомодным меня назови
И блесни, улыбаясь, глазами.

Но за дар, за надежды, что стали близки,
За минуты высокие эти
Я, как в храме, касаюсь губами руки,
Самой щедрой и нежной на свете!

1961

Звезды служат влюбленным

Реки служат судам,
Травы служат стадам,
Рельсы – гулким колесам вагонным.
Птицы служат садам,
Маяки – морякам,
Звезды служат влюбленным.

Льют созвездья на землю таинственный свет,
Но ни трасс, ни путей к ним космических нет,
К ним, всегда добела раскаленным.
Космодром для ракет –
Лишь прохлада планет.
Звезды ж светят одним влюбленным.

Говорят, что влюбленный – это чудак.
Внешне, может, и так, но по сути не так.
Просто он изнутри озаренный.
Не косись на него с недоверьем, профком,
Кто рекорды дает и живет с огоньком?
Да, конечно же, он, влюбленный!

Кто влюблен – тот не ищет покойных путей,
Рвется к ветру и к звездам с любимой своей,
Всей земной красотой окрыленный.
«Жить с романтикой!» – это влюбленных закон,

Ну а кто не романтик, то попросту он
Вообще никакой не влюбленный.

Майский вечер затих в синеве тополей,
И гирлянды мигающих дальних огней
Над широким зажглись небосклоном.
Это так хорошо, что составы бегут,
Что на свете есть счастье, что птицы поют
И что звезды горят влюбленным!..

1962

Обидная любовь

Пробило десять. В доме – тишина.
Она сидит и напряженно ждет.
Ей не до книг сейчас и не до сна:
Вдруг позвонит любимый, вдруг придет?!

Пусть вечер люстру звездную включил,
Не так уж поздно, день еще не прожит.
Не может быть, чтоб он не позвонил!
Чтобы не вспомнил – быть того не может!

«Конечно же, он рвался, и не раз,
Но масса дел: то это, то другое...
Зато он здесь и сердцем и душою».

К чему она хитрит перед собою
И для чего так лжет себе сейчас?

Ведь жизнь ее уже немало дней
Течет отнюдь не речкой Серебрянкой:
Ее любимый постоянно с ней –
Как хан Гирей с безвольной полонянкой.

Случалось, он под рюмку умилялся
Ее душой: «Так преданна всегда!»
Но что в душе той – радость или беда?

Об этом он не ведал никогда,
Да и узнать ни разу не пытался.

Хвастлив иль груб он, трезв или хмелен,
В ответ – ни возражения, ни вздоха.
Прав только он, и только он умен,
Она же лишь «чудачка» и «дуреха».

И ей ли уж не знать о том, что он
Ни в чем и никогда с ней не считался,
Сто раз ее бросал и возвращался,
Сто раз ей лгал и был всегда прощен.

В часы невзгод твердили ей друзья:
– Да с ним пора давным-давно расстаться.
Будь гордою. Довольно унижаться!
Сама пойми: ведь дальше так нельзя!

Она кивала, плакала порой.
И вдруг смотрела жалобно на всех:
– Но я люблю... Ужасно... Как на грех!..
И он уж все же не такой плохой!

Тут было бесполезно препираться,
И шла она в свой добровольный плен,
Чтоб вновь служить, чтоб снова унижаться
И ничего не требовать взамен.

Пробило полночь. В доме тишина...

Она сидит и неотступно ждет.
Ей не до книг сейчас и не до сна:
Вдруг позвонит? А вдруг еще придет?

Любовь приносит радость на порог.
С ней легче верить, и мечтать, и жить.
Но уж не дай, как говорится, Бог
Вот так любить!

1962

«Ты грустишь и, косу беребя...»

Ты грустишь и, косу беребя,
Молча смотришь в сумрак за окном...
Чем же мне порадовать тебя?
Как зажечь глаза твои огнем?

Ты романтик. Прямо на звезду
Проложу я серебристый след.
Для тебя я в летчики пойду.
Ну скажи: ты рада или нет?

Хочешь, смело в космос полечу?
– Не хочу.

Ты грустишь и, косу беребя,
Молча смотришь в сумрак за окном...
Чем же мне порадовать тебя?
Как зажечь глаза твои огнем?

Здесь дождя холодная стена.
А на юге солнечный закат...
В берег бьет зеленая волна,
Расцветают персик и гранат.

Хочешь, на Кавказ тебя умчу?
– Не хочу!

Ты грустишь и, косу теребя,
Молча смотришь в сумрак за окном...
Чем же мне порадовать тебя?
Как зажечь глаза твои огнем?

Не сердись, додумаюсь, пойму.
Может, и отыщется струна.
Может, в космос мчаться ни к чему
И волна морская не нужна?

Хочешь стать моею навсегда?
– Да!..

1962

Сны – обман, и верить снам не надо...

Сны – обман, и верить снам не надо,
Все во сне бывает не попад,
Так нам с детства, кажется, твердят.
Был и я всегда того же взгляда,
Надо думать, с самого детства.

Впрочем, шутки прочь. В моей груди
Завелись крамольные сомненья.
Я не мистик, но сама суди,
Так ли уж нелепы сновиденья?

Прежде, когда нам во мгле ночной
Улыбалась каждая звезда,
Сколько планов я связал с тобой,
Сколько раз ты снилась мне тогда!

Снилось мне, что я счастливей всех,
Что навеки взял твою любовь.
Снился мне твой золотистый смех
И углом изломанная бровь.

Сон причудлив, и порой бывало,
Что во сне не то услышу я.
– Надо ждать, – ты наяву сказала.
А во сне сказала: – Я твоя!

Сон не точен – это не беда.
Главное, что были мы дружны,
Главное, что снились мне тогда
Радостно-приподнятые сны.

Почему ж теперь, когда с тобой
Прожили мы вместе столько лет,
Прежних снов уж и в помине нет,
А из-за портьеры в час ночной
Сон ко мне являться стал иной.

Стал все чаще видеть я во сне
Губы крепко сжатые твои,
И все чаще стали сниться мне
Острые словесные бои.

Сон причудлив, и все больше стало
Надо мной свистеть сердитых стрел.
Наяву ты холодно сказала:
– Я люблю, но попросту устала. –
А во сне сказала: – Надоел.

Сон не точен, это не беда.
Главное теперь, пожалуй, в том,
Что не так мы, кажется, живем,
Что порою стало нам вдвоем
Неуютно так, как никогда.

Говорят, что верить снам не надо.
Сны – мираж, туманные края...
Прежде был и я того же взгляда,
А теперь вот усомнился я.

Ничего на свете не случится.
Для того, чтоб стали мы дружны,
Сами что-то сделать мы должны.
Вот тогда, наверно, будут сниться
Мне, как прежде, радостные сны.

1962

Девушка

Девушка, вспыхнув, читает письмо.
Девушка смотрит пытливо в трюмо.
Хочет найти и увидеть сама
То, что увидел автор письма.

Тонкие хвостики выпцветших кос,
Глаз небольших синева без огней.
Где же «червонное пламя волос»?
Где «две бездонные глуби морей»?

Где же «классический профиль», когда
Здесь лишь кокетливо вздернутый нос?
«Белая кожа»... Но гляньте сюда:
Если он прав, то куда же тогда
Спрятать веснушки? Вот в чем вопрос!

Девушка снова читает письмо,
Снова с надеждою смотрит в трюмо.
Смотрит со скидками, смотрит пристрастно,
Ищет старательно, но... напрасно!

Ясно, он просто над ней подшутил.
Милая шутка! Но кто разрешил?!
Девушка сдвинула брови. Сейчас
Горькие слезы брызнут из глаз...

Как объяснить ей, чудачке, что это
Вовсе не шутка, что хитрости нету.

Просто, где вспыхнул сердечный накал,
Разом кончается правда зеркал!

Просто весь мир озаряется там
Радужным, синим, зеленым...
И лгут зеркала. Не верь зеркалам!
А верь лишь глазам влюбленным!

1962

Письмо любимой

Мы в дальней разлуке. Сейчас между нами
Узоры созвездий и посвист ветров,
Дороги с бегущими вдаль поездами
Да скучная цепь телеграфных столбов.

Как будто бы чувствуя нашу разлуку,
Раскидистый тополь, вздохнув горячо,
К окну потянувшись, зеленую руку
По-дружески мне положил на плечо.

Душа хоть какой-нибудь весточки просит,
Мы ждем, загораемся каждой строкой.
Но вести не только в конвертах приносят,
Они к нам сквозь стены проходят порой.

Представь, что услышишь ты вести о том,
Что был я обманут в пути подлецом,
Что руку, как другу, врагу протянул,
А он меня в спину с откоса толкнул...

Все тело в ушибах, разбита губа...
Что делать? Превратна порою судьба!
И пусть тебе станет обидно, тревожно,
Но верить ты можешь. Такое – возможно!

А если вдруг весть, как метельная мгла,
Ворвется и скажет словами глухими,
Что смерть недопетую песнь прервала
И черной каймой обвела мое имя.

Веселые губы сомкнулись навек...
Утрата, ее ни понять, ни измерить!
Нелепо! И все-таки можешь поверить:
Бессмертны лишь скалы, а я – человек!

Но если услышишь, что внешней порой
За новым, за призрачным счастьем в погоне
Я сердце свое не тебе, а другой
Взволнованно вдруг протянул на ладони, –

Пусть слезы не брызнут, не дрогнут ресницы,
Колючею стужей не стиснет беда!
Не верь! Вот такого не может случиться!
Ты слышишь? Такому не быть никогда!

1962

Одна

К ней всюду относились с уважением, –
И труженик, и добрая жена.
А жизнь вдруг обошлась без сожаленья:
Был рядом муж – и вот она одна...

Бежали будни ровной чередой.
И те ж друзья, и уваженье то ж,
Но что-то вдруг возникло и такое,
Чего порой не сразу разберешь.

Приятели, сердцами молодые,
К ней заходя по дружбе иногда,
Уже шутили так, как в дни бывлые
При муже не решались никогда.

И, говоря, что жизнь – почти ничто,
Коль будет сердце лаской не согрето,

Порою намекали ей на то,
Порою намекали ей на это...

А то при встрече предрекут ей скуку
И даже раздражатся сгоряча,
Коль чью-то слишком ласковую руку
Она стряхнет с колена иль с плеча.

Не верили: ломается, играет.
Скажи, какую сберегает честь!
Одно из двух: иль цену набивает,
Или давно уж кто-нибудь да есть...

И было непонятно никому,
Что и одна – она верна ему!

1962

Первый поцелуй

Мама дочь ругает строго
За ночное возвращенье.
Дочь зарделась у порога
От обиды и смущенья.

А слова звучат такие,
Что пощечин тяжелей.
Оскорбительные, злые,
Хуже яростных шмелей.

Друг за другом мчат вдогонку,
Жгут, пронзают, как свинец...
Но за что клянут девчонку?!
В чем же дело, наконец?

Так ли страшно опозданье,
Если в звоне вешних струй
Было первое свиданье,
Первый в жизни поцелуй!

Если счастье не из книжки,
Если нынче где-то там
Бродит он, ее парнишка,
Улыбаясь звездным вспышкам,
Людям, окнам, фонарям...

Если нежность их созрела,
Школьным догмам вопреки.
Поцелуй – он был несмелым,
По-мальчишьи неумелым,
Но упрямым по-мужски.

Шли то медленно, то быстро,
Что-то пели без конца...
И стучали чисто-чисто,
Близко-близко их сердца.

Так зачем худое слово?
Для чего нападок гром?
Разве вправду эти двое
Что-то делают дурное?
Где ж там грех? Откуда? В чем?

И чем дочь громить словами,
Распалаясь, как в бою,
Лучше б просто вспомнить маме
Сад с ночными соловьями,
С песней, с робкими губами –
Юность давнюю свою.

Как была счастливой тоже,
Как любила и ждала,
И тогда отнюдь не строже,
Даже чуточку моложе

Мама дочери была.

А ведь вышло разве скверно?
До сих пор не вянет цвет!
Значит, суть не в том, наверно:
Где была? Да сколько лет?

Суть не в разных поколениях,
Деготь может быть везде.
Суть здесь в чистых отношениях,
В настоящей красоте!

Мама, добрая, послушай:
Ну зачем сейчас гроза?!
Ты взгляни девчонке в душу,
Посмотри в ее глаза.

Улыбнись и верь заранее
В золотишки внешних струй,
В это первое свиданье,
В первый в жизни поцелуй!

1962

Пылкая душа (Шутка)

Женщина в силоновой пижаме
Медленно захлопнула роман.
Хрустнула холеными руками
И замороженными глазами
Посмотрела в сумрачный туман.

Муж чертил, сутулясь у стола,
А она под тихий шум метели
Вновь, листая том, произнесла:
– Вот ведь люди как любить умели!

Ради милых уходили в бой,
Ревновали, мучились, рыдали,
Шли на плаху, жертвуя собой,
Даже разум от любви теряли.

Скажешь, я не труженица? Пусть!
Но хочу и я, чтоб жгучий бред,
Чтобы муки, чтоб мольба и грусть!
Женщина я все же или нет?!

И не хмурь, пожалуйста, бровей!
С каждым днем в тебе все больше прозы.
Что ты знаешь про огонь страстей,
Про мольбу, страдания и слезы?

Что могу я вспомнить из прошедшего?
Где тот яркий взрыв в моей судьбе?
Что ты сделал в жизни сумасшедшего?
– То, что я женился на тебе...

1962

Стихи об одной любви

Он так любовь свою берег,
Как берегут цветы.
И так смущался, что не мог
Сказать ей даже «ты».

Он ей зимой коньки точил,
Для книжек сделал полку,
Все чертежи ее чертил
И тайно в паспорте хранил
Зеленую заколку.

Она смеялась – он светлел.
Грустила – он темнел.
И кто сказал, что будто нет
Любви в шестнадцать лет?!

К тому, что будет впереди,
Навстречу всей вселенной
Бежали рядом два пути,
Сближаясь постепенно.

Робея под лучами глаз,
Не смея губ коснуться,
Он не спешил: настанет час,
Когда пути сольются.

Когда придут взамен тревог
Слова «люблю» и «да»
И над скрещеньем двух дорог
Не робкий вспыхнет огонек,
А жаркая звезда.

И жизнь была бы хороша,
Презрей он ту «услугу».
Но раз не вынесла душа,
И он, волнуясь и спеша,
Во всем открылся другу.

Тот старше был и больше знал
И тем слегка гордился.
— Ты просто баба, — он сказал, —
Как маленький, влюбился!

Любовь не стоит ни гроша,
Коль сердце только тает.
Запомни: женская душа
Несмелых презирает!

Она ж смеется над тобой
Почти наверняка.
Да где характер твой мужской
И твердая рука?!

Потребуй все. Не отступай!

Смелей иди вперед!
Она – твоя! Не трусь и знай:
Кто любит – не уйдет!

И чтоб в любви не знать обид,
Запомни навсегда:
Что грубость девушка простит,
А глупость никогда!

Весенний ветер ли подул,
Коварен и лукав,
Иль друга речь, иль крови гул,
Но парень, выслушав, кивнул:

– Возможно, ты и прав...
Звенела ночь, луна плыла,
Как ворон, мгла кружила,
И хоть растеряна была,
Она и вправду не ушла,
Наверное, любила.

Гремели зори у реки
Кантатами скворцов,
И мчались дни, как огоньки,
Как стрелы поездов.

Теперь волнениям конец!
Победа и покой!
Но почему же стук сердец

Подавленный такой?

Он так любимую берег,
Как берегут цветы.
И так смущался, что не мог
Сказать ей даже «ты».

Но друг явился и «помог».
И он сумел, он вырвать смог
Растерянное «да»...
Так почему ж в конце пути,
Куда он должен был прийти,
Не вспыхнула звезда?!

Тебе б смеяться поутру,
А ты весь будто сварен.
Зачем стоишь ты на ветру?
О чем ты плачешь, парень?

Эх, снять бы голову ему –
Скотине, другу твоему!

1962

Разговор с другом

Знакомя, друг сказал мне сокровенно:

– Рекомендую: Коля. Пианист.

Прекрасный парень и душою чист,

И ты его полюбишь непременно!

«Прекрасный парень» в меру был живой,

Сел за рояль, Прокофьева сыграл,

Смеялся шуткам, подымал бокал,

Потом простился и ушел домой.

Ушел и канул в темноту и снег...

И я спросил у друга своего:

– Вот ты прекрасным называл его.

А чем прекрасен этот человек?

С минуту друг растерянно молчал.

Ходил, курил и молвил наконец:

– Он никому вреда не причинял,

Не лицемер, не склочник, не подлец...

И вновь спросил я друга своего:

– А доброго он людям сделал много? –

Мой друг вздохнул: – Да вроде ничего.

И все-таки он неплохой, ей-богу!

И тут мелькнуло: а не так ли я
Хвалю порой того, кто не подлец?
Но сколько рядом истинных сердец?
И все ль друзья действительно друзья?

Не прямодушен – ладно, ничего!
Не сделал зла – приветствуем его.
Мог утащить, а он не утащил
И чуть ли уж не подвиг совершил.

Иль, скажем, парень в девушку влюбился,
Жениться обещал. И под конец
Не оскорбил, не бросил, а женился –
И вот уже герой и молодец!

А то вдруг вам как на голову снег
Свалилось горе. Друг о том проведаль.
Он мог добить, предать, но он не предал.
Нет, не помог ничем, а лишь не предал –
И вот уж он «прекрасный человек».

Смешно, но факт: мы, будто с ценной ношей,
Со странной меркой носимся порой:
«Прекрасный» – лишь за то, что не плохой,
А не за то, что истинно хороший!

Так не пора ль действительно начать
С других позиций доблести считать?

1963

Трусиха

Шар луны под звездным абажуром
Озарял уснувший городок.
Шли, смеясь, по набережной хмурой
Парень со спортивной фигурой
И девчонка – хрупкий стебелек.

Видно, распалясь от разговора,
Парень между прочим рассказал,
Как однажды в бурю ради спора
Он морской залив переплывал.

Как боролся с дьявольским теченьем,
Как швыряла молнии гроза.
И она смотрела с восхищеньем
В смелые горячие глаза...

А потом, вздохнув, сказала тихо:
– Я бы там от страха умерла.
Знаешь, я ужасная трусиха,
Ни за что б в грозу не поплыла!

Парень улыбнулся снисходительно,
Притянул девчонку не спеша
И сказал: – Ты просто восхитительна,
Ах ты, воробыная душа!

Подбородок пальцем ей приподнял
И поцеловал. Качался мост,
Ветер пел... И для нее сегодня
Мир был сплошь из музыки и звезд!

Так в ночи по набережной хмурой
Шли вдвоем сквозь спящий городок
Парень со спортивной фигурой
И девчонка – хрупкий стебелек.

А когда, пройдя полосу света,
В тень акаций дремлющих вошли,
Два плечистых темных силуэта
Выросли вдруг как из-под земли.

Первый хрипло буркнул: – Стоп, цыпленки!
Путь закрыт, и никаких гвоздей!
Кольца, серьги, часики, деньжонки –
Все, что есть, на бочку, и живей!

А второй, пуская дым в усы,
Наблюдал, как, от волненья бурый,
Парень со спортивной фигурой
Стал, спеша, отстегивать часы.

И, довольный, видимо, успехом,
Рыжеусый хмыкнул: – Эй, коза!
Что надулась?! – И берет со смехом

Натянул девчонке на глаза.

Дальше было все, как взрыв гранаты:
Девушка беретик сорвала
И словами: – Мразь! Фашист проклятый! –
Как огнем, детину обожгла.

– Наглостью пугаешь? Врешь, подонок!
Ты же враг! Ты жизнь людскую пьешь! –
Голос рвется, яростен и звонок:
– Нож в кармане? Мне плевать на нож!

За убийство «стенка» ожидает.
Ну а копь от раны упаду,
То запомни: выживу, узнаю!
Где б ты ни был – все равно найду!

И глаза в глаза взглянула твердо.
Тот смешался: – Ладно... Тише, гром... –

А второй проямлил: – Ну их к черту! –
И фигуры скрылись за углом.

Лунный диск, на млечную дорогу
Выбравшись, шагал наискосок
И смотрел задумчиво и строго
Сверху вниз на спящий городок.

Где без слов по набережной хмурой

Шли, чуть слышно гравием шурша,
Парень со спортивной фигурой
И девчонка – «слабая натура»,
«Трус» и «воробьиная душа».

1963

Таежный родник

Мчится родник среди гула таежного,
Бойкий, серебряный и тугой.
Бежит возле лагеря молодежного
И все, что услышит, несет с собой.

А слышит он всякое, разное слышит:
И мошек, и травы, и птиц, и людей,
И кто что поет, чем живет и чем дышит, –
И все это пишет, и все это пишет
На тонких бороздках струи своей.

Эх, если б хоть час мне в моей судьбе
Волшебный! Такой, чтоб родник этот звонкий
Скатать бы в рулон, как магнитную пленку,
И бандеролью послать тебе.

Послать, ничего не сказав заранее.
И вот, когда в доме твоём – никого,
Будешь ты слушать мое послание,
Еще не ведая ничего.

И вдруг – будто разом спадет завеса:
Послышится шишки упавшей звук,
Трещанье кузнечика, говор леса
Да дятла-трудяги веселый стук.

Вот шутки и громкие чьи-то споры,
Вот грохот ведерка и треск костра,
Вот звук поцелуя, вот песни хором,
Вот посвист иволги до утра.

Кружатся диски, бегут года.
Но вот, где-то в самом конце рулона,
Возникнут два голоса окрыленных,
Где каждая фраза – то «нет», то «да».

Ты встала, поправила нервно волосы,
О дрогнувший стул оперлась рукой,
Да, ты узнала два этих голоса,
Два радостных голоса: твой и мой!

Вот они рядом, звенят и льются,
Они заполняют собой весь дом!
И так они славно сейчас смеются,
Как нам не смеяться уже потом...

Но слушай, такого же не забудешь,
Сейчас, после паузы, голос мой
Вдруг шепотом спросит: – Скажи, ты любишь?
А твой засмеется: – Пусти, задушишь!
Да я, хоть гони, навсегда с тобой!

Где вы – хорошие те слова?
И где таежная та дорожка?

Я вижу сейчас, как твоя голова
Тихо прижалась к стеклу окошка.

И стало в уютной твоей квартире
Вдруг зябко и пусто, как никогда.

А голоса, сквозь ветра и года,
Звонят, как укор, все светлей и шире...

Прости, если нынче в душе твоей
Вызвал я отзвук поры тревожной.
Не плачь! Это только гремит ручей
Из дальней-предальной глуши таежной.

А юность, она и на полчаса –
Зови не зови – не вернется снова.
Лишь вечно звонят и звонят голоса
В немолчной воде родника лесного.

1963

За счастьем!

У них в ушах горячий звон.
У ног лежит луна.
Парнишка по уши влюблен.
По маковку она.

Шуршит, кружа под фонарем,
Осенний листопад.
Он вдруг сказал: – Давай пойдем,
Куда глаза глядят!

И как огнем подожжена
Волнением его:
– Идем! – ответила она. –
До счастья самого.

И вот влюбленные в пути.
Костром горит восход.
Их где-то счастье впереди
Неведомое ждет!

И долго время их вело
По магистралям гулким.

А счастье, просто как назло,
Все время дома их ждало,

В родимом переулке...

1963

Будьте счастливы, мечтатели

Мещанин и обыватель
Про него бубнит весь век:
– Фантазер, пустой мечтатель,
Несерьезный человек!

Что ж, мечтам отнюдь не ново
Натыкаться на вражду:
С давних пор косятся совы
На сверкнувшую звезду.

И еще до книжной грамоты
У пещеры, среди скал,
Пращур наш, свежюя мамонта,
На товарища ворчал:

– До чего ведь люди странные,
Есть жилье и сыт, так нет –
Про пещеры деревянные
Стал выдумывать сосед.

Чтоб в мороз не знать кручины –
Посреди костер с трубой
Да «нетающие льдины»
Вставить в стены. Ну, герой!

– Не свихни мозгов, приятель! –
Так бурчал сосед один –
Первый древний обыватель
И пещерный мещанин.

Шли века, старели горы,
Высыхали сотни рек,
Но, как встарь, глядит с укором
Мещанин на фантазера:

– Несерьезный человек!
«Несерьезный»? А читает
Про луну и про сирень.
«Несерьезный»? А включает
Телевизор каждый день.

Эх вы, совы-порицатели!
Души, спящие во мгле!
Да когда бы не мечтатели,
Что бы было на земле?!

Вы бы вечно прозябали
Без морей и островов,
В самолетах не летали,
Не читали бы стихов.

Не слышали б, как роняет
Май росинку в тишине,
Не видали б, как сверкает

Спутник в темной вышине.

Что б вы там ни говорили,
Но, наверное, без них
Вы бы до сих пор ходили
В шкурах прашуров своих!

А мечта, она крылата,
А мечта, она живет!
И пускай ее когда-то
Кто-то хмурый не поймет!

Пусть тот лондонский писатель,
Встретив стужу да свечу,
Произнес потом: «Мечтатель!»,
Не поверив Ильичу.

Пусть бормочут, пусть мрачнеют,
Выдыхаясь от хулы.
Все равно мечта умнее,
Все равно мечта сильнее,
Как огонь сильнее мглы!

Но брызги не умолкают:
— Ведь не все горят огнем!
Есть такие, что мечтают
И о личном, о своем!

О, назойливые судьи,

Что за грех в такой мечте?!
Ведь о чем мечтают люди?
Не о горе, не о хуе,
А стремятся к красоте!

Приглядитесь же внимательно:
Сколько светлого подчас
В тех улыбках обаятельных
И в мечтательности глаз!

Сад с рекой перекликаются,
Звезды кружатся во мгле,
Песни в ветре зарождаются,
Сказки бродят по земле...

Мой привет вам, открыватели
Всех сокровищниц планеты!
Будьте счастливы, мечтатели,
Беспокойные искатели,
Фантазеры и поэты!

1963

Строгие сторожа

В сто раз красноречивее речей,
Пожалуй, были и сердца, и руки,
Когда мы, сидя в комнате твоей,
Старались грызть гранит сухой науки.

Мигал тысячеглазый небосвод,
Чернел рояль торжественно и хмуро,
И маленький зеленый Дон Кихот
По-дружески кивал нам с абажура...

К плечу плечо... Мы чуть не пели даже!
В груди у нас гремели соловьи!
Но стерегли нас бдительные стражи –
Неспящие родители твои.

Сначала мать – улыбка и внимание –
Входила вдруг, как будто незначай,
То взять с окна забытое вязанье,
То в сотый раз нам предлагая чай.

Потом отец в пижаме из сатина,
Прищурив хитроватые зрачки,
Здесь, неизвестно по какой причине,
Всегда искал то книгу, то очки.

Следя за всем в четыре строгих глаза,
В четыре уха слушали они,
Чтоб не было какой ненужной фразы
Иль поцелуя, Боже сохрани!

Так день за днем недремлющие судьи
Нас охраняли от возможных бед.
Как будто мы не молодые люди,
А малыши одиннадцати лет!

Им верилось, что трепетное пламя
Притушит ветер хитроумных мер,
И что на всякий случай между нами
Пускай незримо высится барьер.

Удар часов за стенкой возвещал,
Что как-никак, а расставаться надо!
И вот я вниз по лестнице бежал
Под тем же строго неусыпным взглядом.

И, заперев владение свое,
Они, вздохнув, спокойно засыпали,
Уверенные в том, что знают все,
Хоть, между прочим, ничего не знали!

Ненужные споры

Двое ссорились, даже кричали,
Потом устали в конце концов.
Сердито затихли. И так молчали.
Наверно, не меньше пяти часов.

А где-то в это время смеялись,
Ходили в кино и читали стихи,
Работали, пели, мечтали, влюблялись,
Смотрели спектакль, напряженно-тихи.

Где-то дома к небесам возводили,
Играли в теннис, ловили бычков –
Короче, дышали! Короче, жили!
А здесь будто склеп: ни улыбок, ни слов...

И вряд ли обоим сейчас понятно,
Что эти часы, как бессмысленный бег,
Для них потеряны безвозвратно,
Из жизни вычеркнуты навек!

Наука на все ответы находит.
Она утверждает: – Имейте в виду,
Полчеловеческой жизни уходит
На сон, на транспорт и на еду.

А чем порой эта жизнь полна?
И много ль отпущено нам от века?
Ведь если подумать, то жизнь человека
Не так уж и слишком, увы, длинна...

Какой же статистик за нас учтет
Время, ушедшее на раздоры,
На злые слова, на обиды, на споры?
А жизнь ведь не поезд, она не ждет.

Конечно, можно хитрить, улыбаться:
«Подумаешь, важный какой разговор!»
А если по совести разобраться,
Сколько на свете ненужных ссор!

Поссорились, вспыхнули, побледнели...
Только б не сдаться! Не уступить!
А это ведь дни, а это недели
И, может быть, годы, коль все сложить.

И хочется мне постучать, обратиться
В тысячи окон, в сотни квартир:
— Кто в ссоре, прошу вас, идите мириться!
Милые люди! Давайте учиться
В собственном доме бороться за мир!

В звездный час

Как загадочные гномики,
Чуть пробил полночный час,
Сели сны на подоконники
Вдоль всей улицы у нас.

Сели чинно и торжественно,
Щуря мудрые зрачки,
И, раскланявшись, приветственно
Приподняли колпачки.

Попищали, как комарики, –
И конец. Пора за труд!
По волшебному фонарику
Из карманов достают.

Прямо в душу направляется
Луч, невидимый для глаз.
Сновиденье начинается,
То, какое назначается
Человеку в этот час.

У лучей оттенки разные:
Светлый, темный, золотой.
Сны веселые и страшные
Видят люди в час ночной.

Я не знаю, чьим велением
Луч мне светит в тишине,
Только в каждом сновидении
Ты являешься ко мне.

И, не споря, не преследуя,
Я смотрю в твой строгий взгляд,
Будто, сам того не ведая,
В чем-то вечно виноват.

Хоть вина моя, наверное,
Только в том, что все терплю,
Что тебя давно и верно я
До нелепого люблю!

Как легко ты можешь темное
Сделать ярким навсегда:

Снять лишь трубку телефонную
И сквозь даль и мглу бессонную
В первый раз мне крикнуть:
— Да!

В переулок звезды грохнутся
Звоном брызнувших монет.
Дрогнет сердце, полночь кончится,
В окна кинется рассвет.

Удирай же, сон загадочный,
В реку, в облако, в траву,
Ибо в мире самый радостный,
Самый песенный и сказочный –
Сон, пришедший наяву!

1964

Ночь

Как только разжались объятья,
Девчонка вскочила с травы,
Смущенно поправила платье
И встала под сенью листвы.

Чуть брезжил предутренний свет,
Девчонка губу закусила,
Потом еле слышно спросила:
– Ты муж мне теперь или нет?

Весь лес в напряжении ждал,
Застыли ромашка и мята,
Но парень в ответ промолчал
И только вздохнул виновато...

Видать, не поверил сейчас
Он чистым лучам ее глаз.
Ну чем ей, наивной, помочь
В такую вот горькую ночь?!

Эх, знать бы ей, чуют душой,
Что в гордости, может, и сила,
Что строгость еще ни одной
Девчонке не повредила.

И может, все вышло не так бы,
Случись эта ночь после свадьбы.

Советчики

Я в мире жил любя и не любя,
Без радостей особых и напасти,
Пока не встретил наконец тебя,
Пока не понял, что такое счастье.

Моих друзей хватает мне вполне.
Я всех и перечислить не берусь.

– Ты молодец! – одни сказали мне. –
Отличный выбор! Превосходный вкус!
Твоя любовь и вправду хороша!
Тут все забудешь с первого же взгляда.
В глазах ну так и светится душа.
А уж фигура – лучше и не надо! –

Слова других сжигали, как огни.
В них были и печаль, и сострадание.
– Ты извини, – сказали мне они, –
Но у тебя не вкус, а наказание!

Подумай сам: надменная натура,
Холодный взгляд, характер – никуда!
Курносый нос, нескладная фигура,
И плюс до неприличия – худа!

А третьи по-нейтральному молчали,
Загадочно кивали головой,

Уклончиво плечами пожимали:
Мол, вкус твой и плохой и неплохой...

Нет, я отнюдь в решениях не трус!
Но тут как душ, то жаркий, то холодный.
Любить тебя – хороший это вкус?
Или, напротив, никуда не годный?!

И только ветер в кленах молодых
Мне бойко крикнул: «Выбрось все сомненья!
Пошли к чертям советчиков своих,
И это будет лучшее решенье!»

1964

Зимняя сказка

Метелица, как медведица,
Весь вечер буйнит зло,
То воет внизу под лестницей,
То лапой скребет стекло.

Дома под ветром сутулятся,
Плывут в молоке огоньки,
Стоят постовые на улицах,
Как белые снеговики.

Сугробы выгнули спины,
Пушистые, как из ваты,
И жмутся к домам машины,
Как зябнувшие щенята...

Кружится ветер белый,
Посвистывает на бегу...
Мне нужно заняться делом,
А я никак не могу.

Приемник бурчит бессвязно,
В доме прохладней к ночи,

Чайник мурлычет важно,
А закипать не хочет.

Все в мире сейчас загадочно,
Все будто летит куда-то,
Метельно, красиво, сказочно...
А сказкам я верю свято.

Сказка... Мечта-полуночница...
Но где ее взять? Откуда?
А сердцу так чуда хочется,
Пусть маленького, но чуда!

До боли хочется верить,
Что сбудутся вдруг мечты...
Сквозь вьюгу звонок у двери –
И вот на пороге ты!

Трепетная, смущенная.
Снится или не снится?!
Снегом запорошенная,
Звездочки на ресницах...

– Не ждал меня? Скажешь, дурочка?
А я вот явилась... Можно? –
Сказка моя! Снегурочка!
Чудо мое невозможное!

Нет больше зимней ночи!
Сердцу хмельно и ярко!
Весело чай клокочет,

В доме, как в пекле, жарко...

Довольно! Хватит! Не буду!
Полночь... Гудят провода...
Гаснут огни повсюду.
Я знаю: сбывается чудо,
Да только вот не всегда...

Метелица, как медведица,
Косматая голова.
А сердцу все-таки верится
В несбыточные слова:

– Не ждал меня? Скажешь, дурочка?
Полночь гудит тревожная...
Где ты, моя Снегурочка,
Сказка моя невозможная?..

1964

Падает снег

Падает снег, падает снег –
Тысячи белых ежат...
А по дороге идет человек,
И губы его дрожат.

Мороз под шагами хрустит, как соль,
Лицо человека – обида и боль.
В зрачках два черных тревожных флажка
Выбросила тоска.

Измена? Мечты ли разбитой звон?
Друг ли с подлой душой?
Знает об этом только он
Да кто-то еще другой.

Случись катастрофа, пожар, беда –
Звонки тишину встревожат.
У нас милиция есть всегда
И «Скорая помощь» тоже.

А если просто: падает снег
И тормоза не визжат,
А если просто идет человек
И губы его дрожат?

А если в глазах у него тоска –
Два горьких черных флажка?
Какие звонки и сигналы есть,
Чтоб подали людям весть?!

И разве тут может в расчет идти
Какой-то там этикет,
Удобно иль нет к нему подойти,
Знаком ты с ним или нет?

Падает снег, падает снег,
По стеклам шуршит узорным.
А сквозь метель идет человек,
И снег ему кажется черным...

И если встретишь его в пути,
Пусть вздрогнет в душе звонок,
Рванись к нему сквозь людской поток.
Останови! Подойди!

1964

У последнего автомата

Он стоит в автоматной будке,
Небольшой чемодан у ног.
У него озябшие руки
И коротенький пиджачок.

Парень хмурится, часто дышит,
Голос чуть предает – дрожит.
Забывая, что могут слышать,
Он с отчаяньем говорит:

– Через полчаса уезжаю.
И решил наконец спросить,
Если скажешь «нет», то не знаю,
Как мне дальше на свете жить.

Крылья-двери метро раскрыло,
Теплым дунуло ветерком,
И толпа, шумя, заслонила
Будку с худеньким пареньком.

Осень, смяв облака густые,
Чистит на зиму небосвод
И билетки золотые
Отъезжающим раздает.

Поезд двинулся вдоль перрона,
Семафорные огоньки...
Все быстрее идут вагоны,
Все поспешней летят платки.

В этот миг на последней площадке
Комсомольский блеснул значок,
Две упрямых мальчишских прядки
Да коротенький пиджачок.

Он, конечно? Да нет, ошибка!
Никакого парнишки нет:
Есть одна сплошная улыбка
Да сияющий счастьем свет!

Скрылся поезд. Ему вдогонку –
Только ветер да провода...
Ах, как хочется той девчонке
Позвонить! Но куда, куда?

Нет ведь номера телефонного.
Пусть! Я шлю ей в этих строках
Благодарность за окрыленного,
За парнишку того влюбленного
И за счастье в его глазах!

У тебя характер прескверный...

У тебя характер прескверный
И глаза уж не так хороши.
Взгляд неискренний. И наверно,
Даже вовсе и нет души.

И лицо у тебя, как у всех,
Для художника не находка,
Плюс к тому цыплячья походка
И совсем некрасивый смех.

И легко без врачей понять,
Что в тебе и сердце не бьется.
Неужели чудак найдется,
Что начнет о тебе страдать?!

Ночь, подмигивая огнями,
Тихо кружится за окном.
А портрет твой смеется в раме
Над рабочим моим столом.

О, нелепое ожиданье!
Я стою перед ним... курю...
Ну приди хоть раз на свиданье!
Я ж от злости так говорю.

Сердитый критик

Критик бранил стихи
Лирического поэта.
Громил и за то, и за это,
За все земные грехи!

Ругал с наслаждением, с чувством
И, строчки рубя на лету,

Назвал поцелуй распутством
И пошлостью – простоту.

Считая грубость традицией,
Над всем глумясь свысока,
Он подкреплял эрудицию
Весомостью кулака.

Сурово бранил издателей:
– Зачем печатали? Кто? –
И долго стыдил читателей
За то, что любят не то.

А надо любить усложненный,
Новаторский, смелый стих,
Где в ребра бьют электроны,
Протоны и позитроны

Вместо сердец живых.

Стихи, где от грома и света
Брызги летят из глаз...
И где возле слова «планета»
Смело стоит «унитаз»!

И вывод был прост и ясен:
«Мотайте себе на ус:
Все те, кто со мной не согласен,
Срочно меняйте вкус!»

Окончив свой громкий опус,
Из кабинетной тиши
Критик отправился в отпуск
И книгу взял для души.

Стучали колеса скорые...
А критик книгу читал,
Не ту, расхвалил которую,
А ту, какую ругал.

1964

Спокойной ночи

Осень мрачно берет разбег.
Ветра простуженный вой.
Сумрак. Ливень тугой, сплошной.
В лужах вода и снег.

Изредка шум запоздалых шин,
Пятнами слабый свет,
Но в ливне не видно почти машин,
Прохожих и вовсе нет.

А впрочем, вон, кажется, кто-то бежит
Стремительно от угла,
Бежит, и ее ничуть не страшит
Ни ливень сейчас, ни мгла.

Сквозь мокрый блеск фонарей,
Сквозь стену сплошных потоков,
Сквозь шум листвы тополей
И гулкий гром водостоков.

Вся вымокла не на шутку,
Колотится кровь в виски,
И часто стучат каблучки,
Спеша к телефонной будке.

Стук сердца уняв слегка,
Откинула мокрые пряди
И трубку сняла с рычага
Привычно, почти не глядя.

Сказала – нельзя короче,
Не голосом – всей душой:
– Милый, спокойной ночи! –
И тихо дала отбой.

Вздохнула, глаза прикрыла,
Словно держа мечту.

И шепотом повторила:
– Спокойной ночи, мой милый!
Но это уже в темноту.

Ветер о будку бился,
Но там никого уже нет.
В потоках дождя растворился
Тоненький силуэт.

Вот так, почти без причины,
Бежать, звонить под дождем!..
подавим зависть, мужчины.
Речь сейчас не о том.

Гром, словно пес, ворчит,
По крышам ливень грохочет,

А в будке, как эхо, дрожит:
«Милый, спокойной ночи!..»

1964

Три друга

От трех десятков много ли сиянья?
Для ректора, возможно, ничего,
Но для студента это состояние,
Тут вся почти стипендия его!

Вот почему он пасмурный сидит.
Как потерял? И сам не понимает.
Теперь в карманах сквозняки гуляют,
И целый длинный месяц впереди...

Вдоль стен кровати строго друг за другом,
А в центре стол. Конспекты. Блока том.
И три дружка печальным полукругом
Сидят и курят молча за столом.

Один промолвил: – Надо, без сомненья,
Тебе сейчас не горе горевать,
А написать толково заявление,
Снести его в милицию и сдать.

А там, кто надо, тотчас разберется,
Необходимый розыск учинят.
Глядишь, твоя пропажа и найдется,
На свете все возможно, говорят!

Второй вздохнул: – Бумаги, протоколы...
Волынистое дело это, брат.
Уж лучше обратиться в деканат.
Пойти туда и жечь сердца глаголом.

Ступай сейчас к начальству в кабинет.
И не волнуйся, отказать не могут.
Все будет точно: сделают, помогут,
Еще спасибо скажешь за совет!

А третий друг ни слова не сказал.
Он снял с руки часы, пошел и продал.
Он никаких советов не давал,
А молча другу деньги отдал...

1964

Чудачка

Одни называют ее «чудачкой»
И пальцем на лоб – за спиной, тайком.
Другие – «принцессою» и «гордячкой».
А третьи просто – «синим чулком».

Птицы и те попарно летают,
Душа стремится к душе живой.
Ребята подруг из кино провожают,
А эта одна убегает домой.

Зимы и вёсны цепочкой пестрой
Мчатся, бегут за звеном звено...
Подруги, порой невзрачные просто,
Смотришь, замуж вышли давно.

Вокруг твердят ей: – Пора решаться,
Мужчины не будут ведь ждать, учти!
Недолго и в девах вот так остаться!
Дело-то катится к тридцати...

Неужто не нравился даже никто? –
Посмотрит мечтательными глазами:
– Нравится – нравились. Ну и что? –
И удивленно пожмет плечами.

Какой же любви она ждет, какой?
Ей хочется крикнуть: «Любви-звездопада!
Красивой-красивой! Большой-большой!
А если я в жизни не встречу такой,
Тогда мне совсем никакой не надо!»

1964

Одно письмо

Как мало все же человеку надо!
Одно письмо. Всего-то лишь одно.
И нет уже дождя над мокрым садом,
И за окошком больше не темно...

Зажглись рябин веселые костры,
И все вокруг вишнево-золотое...
И больше нет ни нервов, ни хандры,
А есть лишь сердце радостно-хмельное!

И я теперь богаче, чем банкир.
Мне подарили птиц, рассвет и реку,
Тайгу и звезды, море и Памир.
Твое письмо, в котором целый мир.
Как много все же надо человеку!

1965

Моя звезда

Наверно, так уж повелось от века,
В народе говорится иногда,
Что где-то есть порой у человека
Далекая, счастливая звезда.

А коль звезда по небу покатилась,
В глубокой тьме прочерчивая след,
То где-то, значит, жизнь остановилась
И что кого-то в мире больше нет.

Звезда моя! Прозрачно-голубая,
Всю жизнь воюя, споря и любя,
Как ты добра – я в точности не знаю.
Но с детских лет я верую в тебя.

Когда мне было радостно до боли,
При свете милых удивленных глаз,
И в час, когда читал я в нашей школе
На выпускном стихи в последний раз;

И в час, когда шагал я с аттестатом
В лучах надежды утренней Москвой,
Когда я был счастливым и крылатым, –
Ты в полный жар сияла надо мной!

И в дни, когда под грохот эшелонов,
Под пенье пуль, навстречу воронью,
Я шел без сна, в шинели и погонах,
Сквозь сто смертей за Родину мою;

Когда я стыл под вьюгой ледяною,
Когда от жажды мучился в пути,
И в тихий час, и в самом пекле боя,
Я знал, что ты мне светишь впереди.

Но так уж в мире, кажется, бывает,
Что дальняя, счастливая звезда
Не всякий раз приветливо мигает
И полным жаром блещет не всегда...

И в том бою, когда земля горела
И Севастополь затянула мгла,
Ты, видимо, меня не разглядела
И уберечь от горя не смогла.

И вот когда дыхание пропадает,
Уходят силы, а сознание – дым...
Тогда для смерти время наступает,
И смерть пришла за сердцем за моим.

Да не сумела, не остановила.
То ль потому, что молодость жила,
Иль потому, что комсомольским было,
Но только зря старуха прождала.

Звезда моя! Я вовсе не стараюсь
Всего добиться даром, без труда,
Я снова сам работаю, сражаюсь,
И все же ты свети хоть иногда...

Ведь как порою нелегко бывает,
Когда несутся стрелы мне вослед
И недруги бранят, не умолкая,
Тогда сижу, курю я и не знаю:
Горишь ты надо мною или нет?

А впрочем, что мне недруги и стрелы!
Звезда моя! Счастливая звезда.
Да, ты горишь! А если б не горела,
Я не достиг бы счастья никогда!

А я – достиг... Чего мне приbedняться!
Я знаю цель. Тверды мои шаги.
И я умею даже там смеяться,
Где слабый духом выл бы от тоски!

Звезда моя! Ты тоже не сдаешься,
Как я, таким же пламенем горя!
И в час, когда ты, вздрогнув, оборвешься,
Не скажут нам, что мы горели зря!

И я мечтаю вопреки примете:
Когда судьба нас вычеркнет навек,

Пусть в этот миг родится на планете
Какой-нибудь счастливый человек!

1965

Они студентами были...

Они студентами были.

Они друг друга любили.

Комната в восемь метров – чем не семейный дом?!

Готовясь порой к зачетам,

Над книгою или блокнотом

Нередко до поздней ночи сидели они вдвоем.

Она легко уставала,

И, если вдруг засыпала,

Он мыл под краном посуду и комнату подметал,

Потом, не шуметь стараясь

И взглядов косых стесняясь,

Тайком за закрытой дверью белье по ночам стирал.

Но кто соседок обманет,

Тот магом, пожалуй, станет.

Жужжал над кастрюльным паром их дружный осиный
рой.

Ее называли «лентяйкой»,

Его – ехидно – «хозяйкой»,

Вздыхали, что парень – тряпка и у жены под пятой.

Нередко вот так часами

Трескучими голосами

Могли судачить соседки, шинкуя лук и морковь.

И хоть за любовь стояли,

Но вряд ли они понимали,

Что, может, такой и бывает истинная любовь!

Они инженерами стали.
Шли годы без ссор и печали.
Но счастье – капризная штука, нестойко порой, как дым.
После соборья, в субботу,
Вернувшись домой с работы,
Жену он застал однажды целующейся с другим.
Нет в мире острее боли.
Умер бы лучше, что ли!
С минуту в дверях стоял он, уставя в пространство
взгляд.
Не выслушал объяснений,
Не стал выяснять отношений,
Не взял ни рубля, ни рубахи, а молча шагнул назад...
С неделю кухня гудела:
«Скажите, какой Отелло!
Ну целовалась, ошиблась... Немного выиграла кровь.
А он не простил – слышали?»
Мещане! Они и не знали,
Что, может, такой и бывает истинная любовь!

Стихи о маленькой зеленщице

С утра, в рассветном пожаре,
В грохоте шумной столицы,
Стоит на Тверском бульваре
Маленькая зеленщица.

Еще полудетское личико,
Халат, паучок-булавка.
Стоит она на кирпичиках,
Чтоб доставать до прилавка.

Слева – лимоны, финики,
Бананы горою круто.
Справа – учебник физики
За первый курс института.

Сияют фрукты восточные
Своей пестротой сочной.
Фрукты – покуда – очные,
А институт – заочный.

В пальцах мелькает сдача,
В мозгу же закон Ньютона,
А в сердце – солнечный зайчик
Прыгает окрыленно.

Кружит слова и лица
Шумный водоворот,
А солнце в груди стучится:
«Придет он! Придет, придет!»

Летним зноем поджарен,
С ямками на щеках,
Смешной угловатый парень
В больших роговых очках.

Щурясь, нагнется низко,
Щелкнет пальцем арбуз:
– Давайте менять редиску
На мой многотуманный картуз?

Смеется, словно мальчишка,
Как лупы, очки блестят,
И вечно горой из-под мышки
Толстенные книги торчат.

И вряд ли когда-нибудь знал он,
Что, сердцем летя ему вслед,
Она бы весь мир променяла
На взгляд его и привет.

Почти что с ним незнакома,
Она, мечтая о нем,
Звала его Астрономом,
Но лишь про себя, тайком.

И снились ей звезды ночные
Близко, хоть тронь рукой,
И все они, как живые,
Шептали: «Он твой, он твой...»

Все расцветало утром,
И все улыбалось днем
До той, до горькой минуты,
Ударившей, точно гром!

Однажды, когда, темнея,
Город зажег огни,
Явился он, а точнее –
Уже не «он», а «они»...

Он – будто сейчас готовый
Разом обнять весь свет,
Какой-то весь яркий, новый
От шляпы и до штиблет.

А с ним окрыленно-смелая,
Глаза – огоньки углей,
Девушка загорелая
С крылатым взлетом бровей.

От горя столбы качались,
Проваливались во тьму.
А эти двое смеялись,

Смеялись... невесть чему.

Друг друга, шутя, дразнили
И, очень довольны собой,
Дать ананас попросили,
И самый притом большой.

Великий закон Ньютона!
Где же он был сейчас?
Наверно, не меньше тонны
Весил тот ананас!

Навстречу целому миру
Открыты сейчас их лица.
Им нынче приснится квартира,
И парк за окном приснится.

Приснятся им океаны,
Перроны и поезда,
Приснятся дальние страны
И пестрые города.

Калькутта, Багдад, Тулуза...
И только одно не приснится –
Как плачет, припав к арбузу,
Маленькая зеленщица.

Мы решили с тобой дружить...

Мы решили с тобой дружить,
Пустяками сердец не волнуя.
Мы решили, что надо быть
Выше вздоха и поцелуя...

Для чего непременно вздох,
Звезды, встречи, скамья в аллее?
Эти глупые «ах» да «ох»!..
Мы – серьезнее и умнее.

Если кто-то порой на танцах
Приглашал тебя в шумный круг,
Я лишь щелкал презрительно пальцем –
Можешь с ним хоть на век остаться.
Что за дело мне? Я же друг.

Ну а если с другой девчонкой
Я кружил на вешнем ветру,
Ты, плечами пожав в сторонке,
Говорила потом мне тонко:

– Молодец! Нашел кенгуру!
Всех людей насмешил вокруг. –
И, шепнув, добавляла хмуро:

– Заявляю тебе, как друг:
Не танцуй больше с этой дурой!
Мы дружили с тобой всерьез!
А влюбленность и сердца звон...
Да для нас подобный вопрос
Просто-напросто был смешон.

Как-то в сумрак, когда закат
От бульваров ушел к вокзалу,
Ты, прильнув ко мне, вдруг сказала:
– Что-то очень прохладно стало,
Ты меня обними... как брат...

И, обняв, я сказал, ликуя,
Слыша сердца набатный стук:
– Я тебя сейчас поцелую!
Поцелую тебя... как друг...

Целовал я тебя до утра,
А потом и ты целовала
И, целуя, все повторяла:
– Это я тебя, как сестра...

Улыбаясь, десятки звезд
Тихо гасли на небосводе.
Мы решили дружить всерьез.
Разве плохо у нас выходит?

Кто и в чем помешает нам?

Ведь нигде же не говорится,
Что надежным, большим друзьям
Запрещается пожениться?

И отныне я так считаю:
Все влюбленности – ерунда.
Вот серьезная дружба – да!
Я по опыту это знаю.

1965

Я провожу тебя

О, как ты щебечешь весело,
И как хлопотлива ты:
Жакетку на стул повесила,
Взялась поливать цветы.

С мебели пыль смахнула,
Заварку нашла на окне
И, как бы вскользь, намекнула
На нежность свою ко мне.

Вся из тепла и света,
Ты улыбаешься мне.
А я от улыбки этой
В черном горю огне!

А я сижу и не знаю:
Зачем вот такая ты?
И просто сейчас страдаю
От этой твоей теплоты.

Как много ты производишь
Сейчас торопливых слов!
То дразнишь, то будто просишь
Откликнуться на любовь.

Грозишься, словно кометой,
Сердцем мой дом спалить.
А мне от нежности этой
Волком хочется выть!

Ну, как ты не чувствуешь только
И как сама не поймешь,
Что нет здесь любви нисколько
И каждая фраза – ложь!

Хуже дурной напасти
Этот ненужный фарс.
Ведь нет же ни грамма счастья
В свиданье таком для нас.

И если сказать открыто,
Ты очень сейчас одна,
Ты попросту позабыта
И больше ему не нужна.

А чтобы не тяжело было,
Ты снова пришла ко мне,
Как лыжница, что решила
По старой пойти лыжне.

Как будто бы я любитель
Роли «чужая тень»,
Иль чей-нибудь заместитель,
Иль милый на черный день.

Но я не чудак. Я знаю:
Нельзя любить – не любя!
Напьемся-ка лучше чаю,
И я провожу тебя...

Сегодня красивый вечер:
Лунный свет с тишиной,
Звезды горят, как свечи,
И снег голубой, голубой...

В мире все повторяется:
И ночь, и метель в стекло.
Но счастье не возвращается
К тем, от кого ушло.

Всем светлым, что было меж нами,
Я как святым дорожу.
Давай же будем друзьями,
И я тебя провожу!

1965

«Все как будто сделал славно я...»

Все как будто сделал славно я:
Кончил разом все сомнения.
Понял вдруг, что ты – не главная:
Не любовь, а увлечение.

Ты, я верю, не плохая,
Ни игры в тебе, ни зла,
Ничего не ожидая,
Все дарила, что могла.

Только счастье невозможно
Без клубящихся дорог,
Слишком было все несложно,
Слишком много было можно,
Но ни бурь и ни тревог...

Видно, в том была причина,
Что любовь не жгла огнем,
И была не ярким сном,
А простой, как та рябина
У тебя перед окном.

И ушел я в синий вечер,
Веря в дальнюю звезду.
В путь! В пути я счастье встречу,

Здесь – закахну, пропаду.

Все как будто сделал правильно,
Кончил разом все сомнения:
Понял ведь, что мной оставлено
Не любовь, а увлечение.

Значит, скоро распахнется
Даль счастливых, новых дней.
Сердце песней захлебнется.
Годы мчат... Дорога вьется...
Только сердцу не поется,
Не поется, хоть убей!

Только холодно и тесно
Стало сердцу моему.
Все как будто сделал честно,
В чем же дело – не пойму!

Отчего сквозь километры,
Как в тумане голубом,
Я все чаще вижу дом,
Шторку, вздутую от ветра,
И рябину под окном?!

1965

Я с вами всегда, товарищи!

Гремят барабаны задорно,
Солнца лучи горят,
На галстуках и на горнах
Песню несет отряд.

В раскрытые окна дома
Врывается звонкий хор.
Мне с детства песня знакома,
Горячая, как костер!

И вот я кричу вдоль сквера,
Ладони сложив трубой:
– Детство мое! Пионеры!
Возьмите меня с собой!

Ребята мне машут руками,
Весело что-то кричат.
Над кленами и домами
Песню несет отряд.

И, стоя в окне раскрытом,
Я вижу в дальней дали,
Как строго и деловито
Уходят в рейс корабли.

А вон в духоте ковыльной,
В строю, по четыре в ряд,
Устало, дорогой пыльной
Идет батальон солдат.

Пройдя сквозь смерть и лишения,
Исполнят любой приказ.
Ни робости, ни сомненья
В молчанье спокойных глаз.

И я был таким когда-то,
И нет мне судьбы иной!
– Юность моя! Солдаты!
Возьмите меня с собой!

Грохочут шагами четкими.
Услышали или нет?
Но вот мне машут пилотками,
И песня гремит в ответ!

Как кадры из киноленты,
Картины мелькают, и вот
Я вижу сейчас, как студенты
В далекий идут поход.

Рюкзак – небольшая весомость:
Консервы, хлеб да мечта.
Парни – одна ученость!
Девчата – сплошь красота!

Пройдут от Чукотки до Крыма,
Светлые, как рассвет.
И целей недостижимых
Для них на планете нет!

И я робинзонам Арктики
Кричу в рассвет голубой:
– Песня моя! Романтики!
Возьмите меня с собой!

Голос слегка срывается.
Услышали или нет?
Но вижу: они улыбаются
И хором кричат: – Привет!

– Мне лишних удобств не надо.
Берите меня, друзья! –
И слышу в ответ: – Мы рады,
Но все обойти нельзя!

И ты не один – ты с нами!
Но сколько б ты ни шагал,
Сейчас ты нужней стихами.
Письма наши читал?

Пиши о солдатской службе,
Пиши с огоньком в крови

О настоящей дружбе,
О счастье и о любви.

Трепетом сердце полни.
Живи для людей и стихов.
Друзей постоянно помни
И плюй на своих врагов!

С мещанством и злою гнилью
В яростной будь борьбе.
А если ослабнут силы –
Мы разом придем к тебе!

В зенит салютуют молодо
Клены и фонари.
Утро несет по городу
Шелковый флаг зари.

И сквозь золотое пожарище
Я слышу шум голосов.
– Будь счастлив! – кричат товарищи. –
Горячих тебе стихов!

Друзьям, робинзонам Арктики:
– Спасибо! – кричу в ответ. –
От звезд до глубин Атлантики
Я с вами душой, романтики!
Открытий вам и побед!

1965

Остров Романтики

От Арктики до Антарктики
Люди весь мир прошли
И только остров Романтики
На карты не нанесли.

А он существует, заметьте-ка,
Там есть и луна, и горы,
Но нет ни единого скептика
И ни одного резонера.

Ни шепота обывателей,
Ни скуки и ни тоски.
Живут там одни мечтатели,
Влюбленные и чудаки.

Там есть голубые утесы
И всех ветров голоса.
Белые альбатросы
И алые паруса.

Там есть залив Дон Кихота
И мыс Робинзона есть.
Гитара в большом почете,
А первое слово – «честь»!

Там сплошь туристские тропы,
И перед каждым костром
Едят черепах с укропом
Под крепкий ямайский ром.

Там песня часто увенчана
Кубком в цветном серебре.
А оскорбивший женщину
Сжигается на костре.

Гитары звенят ночами,
К созвездьям ракеты мчат.
Там только всегда стихами
Влюбленные говорят.

И каждая мысль и фраза
Сверкает там, как кристалл.
Ведь здесь никому и ни разу
Никто еще не солгал.

От Арктики до Антарктики
Люди весь мир прошли
И только остров Романтики
На карты не нанесли.

Но, право, грустить не надо
О картах. Все дело в том,
Что остров тот вечно рядом –
Он в сердце живет твоим!

1965

Новогодняя шутка

Звездной ночью новогодней

Дед Мороз меня спросил:

– Отвечай мне, что сегодня

У меня б ты попросил?

– Добрый старче, я желаю

Счастья каждому листу,

Человеку, попугаю,

Обезьяне и киту.

Пусть лисица бродит в роще,

Лев живет, змея и рысь,

Сделай только так, чтоб тещи

На земле перевелись!

P. S. Только плохие тещи.

1965

Юбиляр

От ярких люстр сиреневый пожар,
Президиум, цветы, преподношенья...
А в самом центре грузный юбиляр,
Торжественный, как важный циркуляр,
С улыбкой принимает поздравленья.

С трибуны льется сладостный настой:
– Спасибо вам за все, что вы даете!
Ведь вы начальник скромный и простой,
Душою светлый, сердцем золотой,
Отец в заботе и орел в работе!

На стол ложатся стопкой адреса
В красивых папках из тисненой кожи,
Шуршат стенографистки, как стрекозы,
Гудят елейным хором голоса,
Дрожат в корзинах лилии и розы...

А в зале сослуживцы юбиляра.
Они-то знают, что он за герой.
Но незлобивость, этот вирус старый,
Ах, как живуч он в нас еще порой!

А ведь уж им-то подлинно известно,
Что юбиляр – умелый карьерист,

Скорей чиновник, чем специалист,
И никакой не «чуткий» и не «честный».

Всех, с кем не ладил, мстительно травил.
Одни льстецы ему кантаты пели.
Нет, никого он в мире не любил,
Лишь кверху лез, заигрывал, хитрил,
Любой ценою добиваясь цели.

И юбилей идет, как говорится,
«На самом высшем уровне», и тут
Ничто не приключится, не случится
И подхалима с места не прервут.

Ведь доброта, в людских глазах скользя,
Наверно, так им шепчет почему-то:
«Нельзя ж ломать торжественной минуты!»
Нельзя ломать? А почему нельзя?!

Вот если б все, кого он зло обидел,
Подсиживал и поедал живьем,
Кого за честность остро ненавидел,
Сказали б все, что следует о нем?!

Сказали б все решительно и круто,
Все, не боясь и не смягчая слов,
Не глядя на торжественность минуты,
На адреса, подарки и льстецов.

Как он грубел и как жирел от чванства,
Как загонял между друзьями клин.
И наплевать на то, что он начальство!
Ведь сукин сын – он всюду сукин сын!

Вот так смахнуть бы к черту все фанфары,
И – настезь окна! Кончился елей!
Вот это был бы славный юбилей,
По всем статьям достойный юбиляра!

1965

Сердечная история

Сто раз решал он о любви своей
Сказать ей твердо. Все как на духу!
Но всякий раз, едва встречался с ней,
Краснел и нес сплошную чепуху.

Хотел сказать решительное слово,
Но, как на грех, мучительно мычал.
Невесть зачем цитировал Толстого
Или вдруг просто каменно молчал.

Вконец растратив мужество свое,
Шагал домой, подавлен и потерян,
И только с фотографией ее
Он был красноречив и откровенен.

Перед простым любительским портретом
Он смелым был, он был самым собой.
Он поверял ей думы и секреты,
Те, что не смел открыть перед живой.

В спортивной белой блузке возле сетки,
Прядь придерживав рукой от ветерка,
Она стояла с теннисной ракеткой
И, улыбаясь, шурилась слегка.

А он смотрел, не в силах оторваться,
Шепча ей кучу самых нежных слов.
Потом вздыхал: – Тебе бы все смеяться,
А я тут пропадай через любовь!

Она была повсюду, как на грех:
Глаза... И смех – надменный и пьянящий.
Он и во сне все слышал этот смех
И клял себя за трусость даже спящий.

Но час настал. Высокий, гордый час!
Когда решил он, что скорей умрет,
Чем будет тряпкой. И на этот раз
Без ясного ответа не уйдет!

Средь городского шумного движенья
Он шел вперед походкою бойца,
Чтоб победить иль проиграть сраженье,
Но ни за что не дрогнуть до конца!

Однако то ли в чем-то просчитался,
То ли споткнулся где-то на ходу,
Но вновь краснел, и снова заикался,
И снова нес сплошную ерунду.

– Ну, вот и все! – Он вышел на бульвар,
Достал портрет любимой машинально,
Сел на скамейку и сказал печально:
– Вот и погиб «решительный удар»!

Тебе небось смешно, что я робею.
Скажи, моя красивая звезда:
Меня ты любишь? Будешь ли моею?
Да или нет? – И вдруг услышал: – Да!

Что это? Бред? Иль сердце виновато?
Иль просто клен прошелестел листвою?
Он обернулся: в пламени заката
Она стояла за его спиной.

Он мог поклясться, что такой прекрасной
Еще ее не видел никогда.
– Да, мой мучитель! Да, молчун несчастный!
Да, жалкий трус! Да, мой любимый! Да!

1965

Вторая любовь

Что из того, что ты уже любила,
Кому-то, вспыхнув, отворяла дверь.
Все это до меня когда-то было,
Когда-то было в прошлом, не теперь.

Мы словно жизнью зажили второю,
Вторым дыханьем, песнею второй.
Ты счастлива, тебе светло со мною,
Как мне тепло и радостно с тобой.

Но почему же все-таки бывает,
Что незаметно, изредка, тайком
Вдруг словно тень на сердце набегают
И остро-остро колет холодком...

О нет, я превосходно понимаю,
Что ты со мною встретилась любя.
И все-таки я где-то ощущаю,
Что, может быть, порою открываю
То, что уже открыто для тебя.

То вдруг умело галстук мне завяжешь,
Уверенной ли шуткой рассмешишь,
Намеком ли без слов о чем-то скажешь
Иль кулинарным чудом удивишь.

Да, это мне и дорого и мило,
И все-таки покажется порой,
Что все это уже, наверно, было,
Почти вот так же, только не со мной.

А как душа порой кричать готова,
Когда в минуту ласки, как во сне,
Ты вдруг шепнешь мне трепетное слово,
Которое лишь мне, быть может, ново,
Но прежде было сказано не мне.

Вот так же точно, может быть, порою
Нет-нет и твой вдруг потемнеет взгляд,
Хоть ясно, что и я перед тобою
Ни в чем былом отнюдь не виноват.

Когда любовь врывается вторая
В наш мир, горя, кружа и торопя,
Мы в ней не только радость открываем,
Мы все-таки в ней что-то повторяем,
Порой скрывая это от себя.

И даже говорим себе нередко,
Что первая была не так сильна,
И зелена, как тоненькая ветка,
И чуть наивна, и чуть-чуть смешна...

И целый век себе не признаемся,

Что, повстречавшись с новою, другой,
Какой-то частью все же остаемся
С ней, самой первой, чистой и смешной.

Двух равных песен в мире не бывает,
И сколько б звезд ни поманило вновь,
Но лишь одна волшебством обладает,
И, как ни хороша порой вторая,
Все ж берегите первую любовь!

1965

Спор

Однажды три друга за шумным столом
Пустились в горячие споры о том,
Что женщина ценит превыше всего
В характере нашем мужском.

Первый воскликнул: – К чему этот шум?
Скажу без дальних речей,
Что женщин всегда покоряет ум.
И это всего важней!

В этом наш главный авторитет.
Ум – это все, друзья.
«Да здравствует разум!» – сказал поэт,
И лучше сказать нельзя!

Второй, улыбнувшись, приподнял бровь:
– Совсем не в этом вопрос.
Женщина – это сама любовь!
И любит она всерьез.

И нет для мужчины уже ничего
Прямее, чем этот путь.
Он должен быть любящим прежде всего.
И в этом, пожалуй, суть!

А третий, встав, перебил друзей:
– Бросьте все препирания.
Для женщин на свете всего важней
Внимание и внимание!

Пальто подавайте. Дарите ей
Цветы. Расшибайтесь в прах!
Ну, в общем, тысячи мелочей –
И счастье у вас в руках!

На улицу вышли, а спор сильней.
Ну как решение найти?
И тут повстречали трое друзей
Женщину на пути.

Сказали друзья: – Позвольте спросить,
Ответьте двумя словами:
Каким, по-вашему, должен быть
Мужчина, избранный вами?!

Какое свойство кажется вам
Особенно привлекательным?
– Он должен быть умным, – сказала она,
Любящим и внимательным.

Когда мне встречается в людях дурное...

Когда мне встречается в людях дурное,
То долгое время я верить стараюсь,
Что это скорее всего напускное,
Что это случайность. И я ошибаюсь.

И, мыслям подобным ища подтвержденья,
Стремлюсь я поверить, забыв про укор,
Что лжец, может, просто большой фантазер,
А хам, он, наверно, такой от смущенья.

Что сплетник, шагнувший ко мне на порог,
Возможно, по глупости разболтался,
А друг, что однажды в беде не помог,
Не предал, а просто тогда растерялся.

Я вовсе не прячусь от бед под крыло,
Иными тут мерками следует мерить.
Ужасно не хочется верить во зло,
И в подлость ужасно не хочется верить!

Поэтому, встретив нечестных и злых,
Нередко стараешься волей-неволей
В душе своей словно бы выправить их

И попросту «отредактировать», что ли!

Но факты и время отнюдь не пустяк.
И сколько порой ни насилуешь душу,
А гниль все равно невозможно никак
Ни спрятать, ни скрыть, как ослиные уши.

Ведь злого, признаться, мне в жизни моей
Не так уж и мало встречать доводилось.
И сколько хороших надежд поразбилось,
И сколько вот так потерял я друзей!

И все же, и все же я верить не брошу,
Что надо в начале любого пути
С хорошей, с хорошей и только с хорошей,
С доверчивой меркою к людям идти!

Пусть будут ошибки (такое не просто),
Но как же ты будешь безудержно рад,
Когда эта мерка придется по росту
Тому, с кем ты станешь богаче стократ!

Пусть циники жалко бормочут, как дети,
Что, дескать, непрочная штука – сердца...
Не верю! Живут, существуют на свете
И дружба навек, и любовь до конца!

И сердце твердит мне: ищи же и действуй.
Но только одно не забудь наперед:

Ты сам своей мерке большой соответствуй,
И все остальное, увидишь, – придет!

1966

Что такое счастье?

Что же такое счастье?

Одни говорят: «Это страсти:

Карты, вино, увлечения –

Все острые ощущения».

Другие верят, что счастье –

В окладе большом и власти,

В глазах секретарш плененных

И трепете подчиненных.

Третьи считают, что счастье –

Это большое участие:

Забота, тепло, внимание

И общность переживания.

По мнению четвертых, это –

С милой сидеть до рассвета,

Однажды в любви признаться

И больше не расставаться.

Еще есть такое мнение,

Что счастье – это горение:

Поиск, мечта, работа

И дерзкие крылья взлета!

А счастье, по-моему, просто
Бывает разного роста:
От кочки и до Казбека,
В зависимости от человека.

1966

Золотая кровь

*Ученые Грузии нашли золото в составе крови
человека.*

Из журнальной статьи

Не так давно ученые открыли
Пусть небольшой, но золотой запас.
Они его не в рудниках отрыли,
Они его нашли в крови у нас.

И пусть всего-то малая частица,
Не в этом суть, а суть, наверно, в том,
Что в нашем сердце золото стучится,
И мы весь век живем, как говорится,
Согреты этим золотым огнем.

Мы знаем фразу: «Золотые руки!»
Иль, скажем: «Золотая россыпь слов!»
Теперь буквально с помощью науки
Сказать мы вправе: «Золотая кровь!»

И может быть, с момента первородства
Чем было больше золота в крови,
Тем больше было в людях благородства,
И мужества, и чести, и любви.

И я уверен в том, что у Чапая,
У Фучика, у Зои, у таких,
Кто отдал жизнь, не дрогнув, за других,
Струилась кровь по жилам – золотая!

И право, пусть отныне медицина,
Ребят готовя в трудные бои,
Глядит не на процент гемоглобина,
А на проценты золота в крови.

И нет верней проверки на любовь,
На мужество и стойкость до конца.
Где полыхает золотая кровь –
Там бьются настоящие сердца.

1966

Гостья

Проект был сложным. Он не удавался.
И архитектор, с напряженным лбом,
Считал, курил, вздыхал и чертыхался,
Склонясь над непокорным чертежом.

Но в дверь вдруг постучали. И соседка,
Студентка, что за стенкою жила,
Алея ярче, чем ее жакетка,
Сказала быстро: – «Здрасьте!» – и вошла.

Вздыхнула, села в кресло, помолчала,
Потом сказала, щурясь от огня:
– Вы старше, вы поопытней меня...
Я за советом... Я к вам прямо с бала...

У нас был вечер песни и весны,
И два студента в этой пестрой व्यуге,
Не ведая, конечно, друг о друге,
Сказали мне о том, что влюблены.

Но для чужой души рентгена нет,
Я очень вашим мнением дорожу.
Кому мне верить? Дайте мне совет.
Сейчас я вам о каждом расскажу.

Но, видно, он не принял разговора:
Отбросил циркуль, опрокинул тушь
И, глянув ей в наивные озера,
Сказал сердито: – Ерунда и чушь!

Мы не на рынке и не в магазине!
Совет вам нужен? Вот вам мой совет:
Обоим завтра отвечайте «нет»,
Затем что нет здесь чувства и в помине!

А вот когда полюбите всерьез,
Поймете сами, если час пробьет,
Душа ответит на любой вопрос,
И он все сам заметит и поймет!

Окончив речь уверенно и веско,
Он был немало удивлен, когда
Она, вскочив, вдруг выпалила резко:
– Все сам заметит? Чушь и ерунда!

Слегка оторопев от этих слов,
Он повернулся было для отпора,
Но встретил не наивные озера,
А пару злых, отточенных клинков.

– «Он сам поймет»? Вы так сейчас сказали?
А если у него судачья кровь?
А если там, где у других любовь,
Здесь лишь проекты, балки и детали?

Он все поймет? А если он плевал,
Что в чьем-то сердце то огонь, то дрожь?
А если он не человек – чертеж?!
Сухой пунктир! Бездушный интеграл?!

На миг он замер, к полу пригвожден,
Затем, потупясь, вспыхнул почему-то.
Она же, всхлипнув, повернулась круто
И, хлопнув дверью, выбежала вон.

Весенний ветер в форточку ворвался,
Гудел, кружил, бумагами шуршал...
А у стола «бездушный интеграл»,
Закрыв глаза, счастливо улыбался.

Два маршрута

Он ей предлагал для прогулок
Дорогу – простого проще;
Налево сквозь переулок
В загородную рощу.

Там – тихое птичье пенье,
Ни транспорта, ни зевак,
Травы, уединенье
И ласковый полумрак...

А вот ее почему-то
Тянуло туда, где свет,
Совсем по иному маршруту:
Направо и на проспект.

Туда, где новейшие зданья,
Реклама, стекло, металл.
И где, между прочим, стоял
Дворец бракосочетанья...

Вот так, то с шуткой, то с гневом,
Кипела у них война.
Он звал ее все налево,
Направо звала она.

Бежали часы с минутами,
Ни он, ни она не сдавались.
Так наконец и расстались.
Видать, не сошлись маршрутами.

У реки

Что-то мурлыча вполголоса,
Дошли они до реки.
Девичьи пушистые волосы
Касались его щеки.

Так в речку смотрелись ивы
И так полыхал закат,
Что глянешь вдруг вниз с обрыва
И не уйдешь назад!

Над ними по звездному залу
Кружила, плыла луна.
– Люблю я мечтать! – сказал он.
– Я тоже... – вздохнула она.

Уселись на край обрыва,
Смотрели в речную тьму.
Он очень мечтал красиво!
Она кивала ему.

А речь шла о том, как будет
С улыбкой душа дружить,
О том, что без счастья людям
Нельзя, невозможно жить...

Счастье не ждет на пригорке,
К нему нелегки пути,
И надо быть очень зорким,
Чтоб счастье свое найти!

Звонят их умные речи,
За дальней летя мечтой...
А счастье... Счастье весь вечер
Стоит у них за спиной.

1967

* * *

Забыв покой, дела и развлечения,
Пренебрегая солнцем и весной,
При каждой нашей встрече мы с тобой,
Страдая, выясняем отношенья.

Нет, мы почти никак не поступаем.
До ласки ли? Раздув любой пустяк,
Мы спорим, говорим и обсуждаем,
Что так у нас с тобой и что не так.

Ну что еще: мы вместе, мы одни!
Так нет же ведь! Как варвары, наверно,
Мы медленно, старательно и верно

Друг другу укорачиваем дни...

Мы быть ужасно мудрыми стараемся,
От всех себя ошибок бережем.
И скоро до того «довыясняемся»,
Что ничего уже не разберем!

Размолвки, споры, новые сомненья...
И нам, наверно, невдомек сейчас,
Что вот как раз все эти выясненья
И есть ошибка главная у нас.

И чтоб не кончить на душевной скупости,
Давай же скажем: «Хватит! Наплевать!»
Возьмем и будем делать кучу глупостей,
Да, да, десятки самых чудных глупостей,
И ничего не будем обсуждать!

1967

Лесная сказка

Ты хочешь, чтоб звезды посыпались
Со звоном в твои ладони?

Чтоб с шумом из мрака вырвались
Костров гривастые кони?

Чтоб ветви, сомкнув объятия,
Твое повторяли имя?
Чтоб стало парчовым платье,
А туфельки – золотыми?

Ты хочешь, чтоб соболю черному
Дал гордый разлет бровям?
Чтоб сорок ветров покорно
Упали к твоим ногам?

Чтоб в курточках темно-зеленых,
Посыпавшись вдруг с ветвей,
Двести веселых гномов
Стали свитой твоей?

Ты хочешь, чтоб в пестрых красках,
Звездой отразясь в реке,
Вышла из леса сказка
С жар-птицею на руке?

А хочешь, скажи, ты хочешь
Такою красивой стать,
Что даже у южной ночи
Уж нечего будет взять?..

Ты верь мне, я лгать не буду!
Есть сто золотых ключей,
Я все их тебе добуду!
Я сто отыщу дверей!

А чтоб распахнуть их сразу
В волшебную ту страну,
Скажи мне одну лишь фразу,
Одну лишь, всего одну!

Слова в ней совсем простые,
Но жар их сильнее огня.
Скажи мне слова такие —
Скажи, что любишь меня!

1967

Добрый принц

Ты веришь, ты ищешь любви большой,
Сверкающей, как родник.
Любви настоящей, любви такой,
Как в строчках любимых книг.

Когда повисает вокруг тишина
И в комнате полутемно,
Ты часто любишь сидеть одна,
Молчать и смотреть в окно.

Молчать и видеть, как в синей дали,
За звездами, за морями,
Плывут навстречу тебе корабли
Под алыми парусами...

То рыцарь Айвенго, врагов рубя,
Мчится под топот конский.
А то приглашает на вальс тебя
Печальный Андрей Болконский.

Вот шпагой клянется д'Артаньян,
Влюбленный в тебя навеки.
А вот преподносит тебе тюльпан
Пылкий Ромео Монтекки.

Проносится множество глаз и лиц,
Улыбки, одежды, краски...
Вот видишь: красивый и добрый принц
Выходит к тебе из сказки.

Сейчас он с улыбкой наденет тебе
Волшебный браслет на запястье.
И с этой минуты в его судьбе
Ты станешь судьбой и счастьем!

Когда повисает вокруг тишина
И в комнате полутемно,
Ты часто любишь сидеть одна,
Молчать и смотреть в окно...

Слышны далекие голоса,
Плывут корабли во мгле...
А все-таки алые паруса
Бывают и на земле!

И, может быть, возле судьбы твоей
Где-нибудь рядом, здесь,
Есть гордый, хотя неприметный Грэй
И принц настоящий есть!

И хоть он не с книжных сойдет страниц,
Взгляни! Обернись вокруг:
Пусть скромный, но очень хороший друг,
Самый простой, но надежный друг –

Может, и есть тот принц?!

Ночные огни

В простудном мраке, в сырости ночной
Горит огонь спокойно-одинокий.
Чуть-чуть печальный, трепетный такой,
Загадочный, манящий и далекий...

Он, словно Марс или живой цветок,
Таинственный и в то же время честный.
Пылающий во мраке уголек,
Кусочек чьей-то жизни неизвестной.

Огонь ли это путника в степи,
Окно ли светит? Это я не знаю.
Но кто-то там не спит теперь, не спит!
И чья-то там душа сейчас живая!

Покажется: вот сто шагов всего,
И ты укрыт от холода и ветра,
Да только вот нередко до него
Десятки и десятки километров...

Невольно представляешь, что вон там
Сидят сейчас охотники-бродяги,
Пьют чай с горячим ромом пополам
И ждут к утру перепелиной тяги.

Или, быть может, там, перед окном,
Сидит из сказки девушка с косою
И, отложив большой, тяжелый том,
Глядит во тьму с задумчивой тоскою.

Иль мать-старушка долгий, долгий срок
Сидит и ждет, когда вернутся дети,
А путник забредет на огонек –
Она теплом и путника приветит.

Или, костром пронзая синий мрак,
Влюбленные сидят в сосновой роще,
А может, все совсем, совсем не так –
И будничнее, и скучней, и проще...

И все же я люблю их! Я готов
С мальчишских лет всегда мечтать о чуде,
Люблю огни летящих поездов –
Живые кадры чьих-то дум и судеб.

Огонь в ночи!.. Ненастье... Вязнут ноги...
Со снегом дождь... А путь далек-далек...
И что бы стало с путником в дороге,
Когда б не этот добрый огонек?!

И есть там сказка или сказки нету –
Не в этом суть. Ты верь, и ты иди!
Он как надежда, этот лучик света,
Как искра счастья где-то впереди.

Ведь счастье тоже может быть порою
Чуть-чуть не то, которого ты ждешь,
Но ты страдаешь, борешься, живешь,
Пока оно горит перед тобою.

Возможно, птицей с синими крылами
Оно должно быть вечно впереди,
И кто ответит, может быть, в пути
Вот так к нему и следует идти
И никогда не брать его руками?!

1967

«Я могу тебя очень ждать...»

Я могу тебя очень ждать,
Долго-долго и верно-верно,
И ночами могу не спать
Год, и два, и всю жизнь, наверно.

Пусть листочки календаря
Облетят, как листва у сада,
Только знать бы, что все не зря,
Что тебе это вправду надо!

Я могу за тобой идти
По чащобам и перелазам,
По пескам, без дорог почти,
По горам, по любому пути,
Где и черт не бывал ни разу!

Все пройду, никого не коря,
Одолею любые тревоги,
Только знать бы, что все не зря,
Что потом не предашь в дороге.

Я могу для тебя отдать
Все, что есть у меня и будет.
Я могу за тебя принять
Горечь злейших на свете судеб.

Буду счастьем считать, даря
Целый мир тебе ежечасно.
Только знать бы, что все не зря,
Что люблю тебя не напрасно!

1968

Важные минуты

Беда ли это, если иногда
Бывает в жизни кто-то мягкотелым,
Доверчивым, застенчиво-несмелым, –
Беда все это или не беда?

Навряд ли это повод к обсуждению.
У всех, как говорят, своя стезя.
И все же есть минуты и мгновенья,
Когда безвольным быть уже нельзя.

Ведь ты порой и сам не замечаешь,
Как средь житейских горестей и благ
То там, то здесь кому-то уступаешь.
И вдруг однажды словно замираешь:
Тебя толкают на бесчестный шаг.

Тот шаг нередко выгоден кому-то,
Кто может все. Какой же дать ответ?
Вот и пришла та самая минута,
Чтоб встать, чтоб бросить, как гранату:

– Нет!

Весна! Планета, будто сердце, бьется.
Любовь пришла. Она к тебе летит!
Душа твоя ей в чувствах признается,

А вот язык предательски молчит.

Но милая, едва у дома встанешь,
Уже спешит проститься до утра.
И ты идешь обратно и не знаешь,
Пора признаться или не пора.

А вот сейчас, задумчиво-робка,
Она стоит и медлит почему-то.
Пора! Пришла та самая минута.
Скажи. Не то пропал наверняка!

Вы с другом в горы как-то забрались.
Стучали бодро крепкие ботинки.
Вдруг, оступившись, друг слетел с тропинки
И на скале над пропастью повис...

Судьба вдруг разом повернулась круто.
Ползти к обрыву – жизнью рисковать.
Пусть так. Смелей! Сейчас пришла минута –
Иль вместе жить, иль вместе умирать!

Года спешат, друг друга обгоняя...
Но сколько же порою там и тут,
В большом и малом людям выпадает
Решительных мгновений и минут!

О, как мы спорим, если иногда
Бывает в жизни кто-то мягкотелым,

Доверчивым, застенчиво-несмелым, –
Беда все это или не беда?

Пустяк – цена всем этим обсуждениям!
А чтоб людьми серьезно дорожить,
О них не худо было бы судить
Вот по таким минутам и мгновеньям.

1968

Дорожите счастьем, дорожите!

Дорожите счастьем, дорожите!
Замечайте, радуйтесь, берите
Радуги, рассветы, звезды глаз –
Это все для вас, для вас, для вас.

Услыхали трепетное слово –
Радуйтесь. Не требуйте второго.
Не гоните время. Ни к чему.
Радуйтесь вот этому, ему!

Сколько песне суждено продлиться?
Все ли в мире может повториться?
Лист в ручье, снегирь, над кручей вяз...
Разве будет это тыщу раз!

На бульваре освещают вечер
Тополей пылающие свечи.
Радуйтесь, не портите ничем
Ни надежды, ни любви, ни встречи!

Лупит гром из поднебесной пушки.
Дождик, дождь! На лужицах веснушки.
Крутит, пляшет, бьет по мостовой
Крупный дождь в орех величиной.

Если это чудо пропустить,
Как тогда уж и на свете жить?!
Все, что мимо сердца пролетело,
Ни за что потом не возвратить!

Хворь и ссоры временно отставьте,
Вы их все для старости оставьте.
Постарайтесь, чтобы хоть сейчас
Эта «прелесть» миновала вас.

Пусть бормочут скептики до смерти.
Вы им, желчным скептикам, не верьте –

Радости ни дома, ни в пути
Злым глазам, хоть лопнуть, – не найти!

А для очень, очень добрых глаз
Нет ни склок, ни зависти, ни муки.
Радость к вам сама протянет руки,
Если сердце светлое у вас.

Красоту увидеть в некрасивом,
Разглядеть в ручьях разливы рек!
Кто умеет в буднях быть счастливым,
Тот и впрямь счастливый человек!

И поют дороги и мосты,
Краски леса и ветра событий,
Звезды, птицы, реки и цветы:

Дорожите счастьем, дорожите!

1968

Его судьба

Повсюду встречая их рядом двоих,
Друзья удивлялись, глядя на них.
И было чему подивиться:
Парень красив – молодец молодцом,
Она же ни стройностью и ни лицом –
Ничем не могла б похвалиться.

Порою пытались его «просвещать»:
– Неужто похуже не мог отыскать,
Ведь губишь себя понапрасну!
Сплошная убогость, уж ты извини,
Оставь ты ее, и скорей, не тяни!
Не пара вы – это же ясно.

Ты только взгляни повнимательней, друг:
Ведь сотни красивей и лучше вокруг!
Ну что ты нашел в ней такого? –
А он только пустит колечком дым,
А он усмехнется задумчиво им,
Уйдет и не скажет ни слова.

И вот он шагает вдоль пестрых огней,
Знакомым путем все быстрее и быстрее,
Идет, будто спорщиков рубит.
Идет, и его не вернуть никому,

И бросьте вопросы: зачем? почему?

Да просто – он ее любит!

Оттепель

Звенит капель, звенит капель:
От-те-пель, от-те-пель!
Однако это не весна,
Еще январь, а не апрель.

Вчера буран, беря разбег,
Дул в лица стужей ледяной,
И было все – зима и снег,
Совсем как и у нас с тобой...

Сегодня злобная метель
Вползла под арку у ворот.
Сегодня – синяя капель
И в лужах – мир наоборот.

Сегодня – в радуге стекло
И легкий пар над мостовой.
Сегодня – временно тепло,
Совсем как и у нас с тобой...

Но долго лужам не сверкать,
Ведь это солнце и вода
С утра исчезнут без следа,
Когда мороз придет опять.

Метель, надвинув шаль на бровь,
Дохнет колючею тоской,
И все заледенеет вновь,
Совсем как и у нас с тобой...

Но сколько бы пурге ни месть
И как ни куролесит зло,
Однако у природы есть
И настоящее тепло.

Оно придет с тугим дождем,
С веселой, клейкою листвою,
Придет, швыряя гулкий гром,
И станет радостно кругом,
Совсем не как у нас с тобой...

1969

Твой голос

Твой голос из приемника звучит
Задумчиво и чуточку печально.
И чем-то дальним, трепетно-прощальным
Он заново мне душу берedit.

И ведь не надо, ну совсем не надо!
А вот влетел, хоть радуйся, хоть злись.
Звеня, заполнил все. И так он рядом,
Что хоть рукой сейчас его коснись!

За окнами, на темной ветке клена,
Как дятел, дремлет месяц молодой.
И облака, потягиваясь сонно,
Собравшись в круг, застыли над рекой...

А ты поешь... Ты словно угадала,
Что я сижу настороженно-нем.
«Зачем тебя я, милый мой, узнала?»
А в самом деле, для чего? Зачем?

Зачем рвались и назначали встречу
И между нами протянулась нить?
Я сам сейчас, наверно, не отвечу,
Не все на свете можно объяснить.

Аккорды скрипок стройны и упруги,
А голос твой то пламя, то зима...
И вдруг упала огненная выюга:
«О нет, не рождены мы друг для друга!»
Ну вот ты и ответила сама.

1969

Приметы

Водя корабли, управляя ракетами,
Создав радара бессонный глаз,
Мы, как ни смешно, не расстались с приметами.
Они едва ль не в крови у нас!

Господа Бога давно отставили.
Ясно ведь сказано: нет его!
А вот приметы пока оставили.
Ведь не религия. Ничего.

И ведь смеемся же: «Предрассудки!
Глупистика, мелочи, ерунда!...»
А сами нередко, шутки-то шутки,
Без этой «глупистики» – никуда!

В школьные годы известно точно:
Не знаешь урока – держись за каблук.
Тогда не спросят. Примета прочная!
Не выпусти только каблук из рук!

Тогда ни морали, ни двойки, ни гнева.
Но только не путайся никогда:
Держись не за правый каблук, а за левый.
Возьмешься за правый – тогда беда!

А на контрольной, коль нет подковки,
Судьбу не терзай: – Пощади! Помоги! –
Есть средство: сними (наплевать, что неловко)
Башмак или туфлю с левой ноги.

Зато уж студент – в пониманье высоком,
Великий мастер насчет примет:
Он в дверь не войдет на экзамен боком
И точно отыщет «счастливый билет».

Любая примета ему, как мошка!
Он знает их лучше, чем снег в декабре.
Не говоря уж о черных кошках,
Тринадцатых числах и прочей муре.

Да что там студент! Академик, доктор,
Придя на важный доклад с утра,
Услышав: – Ни пуха и ни пера! –
Сказал аспирантке: – Идите к черту!

Артистка, народная, в сорок лет,
Текст роли выронив неосмотрительно,
Уселась в ужасе на паркет,
Роль под себя подложив предварительно.

Такая примета: наплюй на чин,
На возраст и званье! Коль роль упала –
Сядь и припомни трех лысых мужчин,
Не то обязательно жди провала.

Приметы повсюду. Просто беда.
– Куда ты идешь? – я спросил у знакомой.
– Тьфу! Ну зачем ты спросил «куда»?
Знала бы, лучше б осталась дома!

Однажды за час до выхода в море
На крейсер к старпому пришла жена
И тем всю команду повергла в горе:
На судне – женщина! Все. Хана!

И после, едва не порвав тельняшки,
Хлопцы отчаянно и упрямо
Драили палубу, дверь, медяшку –
Все, к чему прикасалась дама.

И скажем, отнюдь не открыв секрета,
Что множество самых серьезных людей
На счастье хранят амулеты-приметы:
Пуговку, слоника или монету –
Тысячи всяческих мелочей.

Зачем мы храним их? Никто не знает.
А может, и вправду тут есть секрет?
Уверенность, что ли, они вселяют
Иль в чем-то ответственность с нас снимают,
Вот эти десятки смешных примет?

Пришла, к примеру, «счастливая» дата

И мимо не кинулся черный кот,
Ты как-то спокойней идешь куда-то
И вроде веришь, что повезет...

Похвалишь что-нибудь горячо
И слышишь: – Смотри, не вышло бы сглазу!
Плюнь трижды скорее через плечо! –
И ты плюешь, как верблюд, три раза.

Что ж, пусть в чем-то наши надежды множат
Приметы – загадочная игра.
И хоть мы не очень в них верим, а все же,
Чтоб каждый ваш день был счастливо прожит,
Ни пуха вам, люди, и ни пера!

1969

Шаганэ

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
С. Есенин

Ночь нарядно звездами расцвечена,
Ровно дышит спящий Ереван...
Возле глаз, собрав морщинки-трещины,
Смотрит в синий мрак седая женщина –
Шаганэ Нерсесовна Тальян.

Где-то в небе мечутся зарницы,
Словно золотые петухи.
В лунном свете тополь серебрится,
Шаганэ Нерсесовне не спится,
В памяти рождаются стихи:

«В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог».

Что же это: правда или небыль?
Где-то в давних, призрачных годах
Пальмы, рыба, сулугуни с хлебом,
Грохот волн в упругий бубен неба

И Батуми в солнечных лучах...

И вот здесь-то в утренней тиши
Встретились Армения с Россией –
Черные глаза и голубые,
Две весенне-трепетных души.

Черные, как ласточки, смущенно
Спрятались за крыльями ресниц.
Голубые, вспыхнув восхищенно,
Загипнотизировали птиц.

Закружили жарко и влюбленно,
Оторвав от будничных оков,
И смотрела ты заворуженно
В «голубой пожар» его стихов.

И не для тумана иль обмана
В той восточной лирике своей
Он Батуми сделал Хороссаном –
Так красивей было и звучней.

И беда ли, что тебя, армянку,
Школьную учительницу, вдруг
Он, одев в наряды персиянки,
Перенес на хороссанский юг!

Ты на все фантазии смеялась,
Взрыв на поэтической волне,

Как на звездно-сказочном коне,
Все равно! Ведь имя же осталось:

– Шаганэ!

«В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог».

Что ж, они и вправду не открылись.
Ну а распахнись они тогда,
То, как знать, быть может, никогда
Строки те на свет бы не явились.

Да, он встретил песню на пути.
Тут вскипеть бы яростно и лихо!
Только был он необычно тихим,
Светлым и торжественным почти...

Шаганэ... «Задумчивая пери»...
Ну, а что бы, если в поздний час
Ты взяла б и распахнула двери
Перед синью восхищенных глаз?!

Можно все домысливать, конечно,
Только вдруг с той полночи хмельной
Все пошло б иначе? И навечно
Две дороги стали бы одной?!

Ведь имей он в свой нелегкий час
И любовь, и дружбу полной мерой,
То, как знать, быть может, «Англетера»...
Эх, да что там умничать сейчас!

Ночь нарядно звездами расцвечена,
Ровно дышит спящий Ереван...
Возле глаз собрав морщинки-трещины,
Смотрит в синий мрак седая женщина –
Шаганэ Нерсесовна Тальян.

И, быть может, полночью бессонной
Мнится ей, что расстояний нет,
Что упали стены и законы
И шагнул светло и восхищенно
К красоте прославленный поэт!

И, хмелея, кружит над землею
Тайна жгучих, смолянистых кос
Вперемежку с песенной волною
Золотых есенинских волос!..

1969

«От скромности не подымая глаз...»

От скромности не подымая глаз,
С упрямою улыбкой на губах,
Ты говоришь, уже в который раз,
О том, чтоб я воспел тебя в стихах.

Зачем стихи? Не лучше ль, дорогая,
Куплю тебе я перстень золотой?!
– Купить – купи, но и воспеть – воспой.
Одно другому вовсе не мешает!

Эх, люди, люди! Как внушить вам все же,
Что тот, кто для поэзии рожден,
Способен в жизни «покривить» рублем,
Всем, чем угодно: злом или добром,
А вот строкою покривить не может.

Ведь я же превосходно понимаю,
Каких стихов ты неотступно ждешь:
Стихов, где вся ты ласково-простая,
Где твой характер ангельски хорош;

Где взгляд приветлив, добр и не коварен
И сердце полно верного огня;
И где тебе я вечно благодарен
За то, что ты заметила меня.

Вот так: то хмуря бровь, то намекая,
Ты жаждешь поэтических похвал.
И будь все это правдой, уверяю,
Я б именно вот так и написал!

Но ты же знаешь и сама, конечно,
Что все не так, что все наоборот,
И то, что я скажу чистосердечно,
В восторг тебя навряд ли приведет.

И если я решусь на посвящение,
Мне не придется заблуждаться в том,
Что будет ожидать меня потом
За этакое «злое преступление»!

Я лучше ничего не напишу.
Я просто головою дорожу!

1969

Карнавал

Устав от забот, от привычного круга,
Ища хоть немного сказки,
Чтоб скрыться хотя бы на час друг от друга,
Люди придумали маски.

Ведь часто, серы до тошноты,
Будни, как клячи, топчутся,
А людям хочется красоты,
Кусочка радуги хочется!

Работай, стремись, говорят, и тогда...
Да бросьте, ну кто ж не знает,
Что счастье вовсе ведь не всегда
Каждому выпадает.

И вот, чтоб устроить волшебные встречи,
Большое путая с малым,
Люди собрали маски на вечер,
Названный карнавалом.

Здесь хилый становится богатырем,
Робкий душой – героем,
А кто-то отчаянным моряком,
Рыцарем или ковбоем.

Рожденным удачливыми, красивыми
Метаморфоз не надо.
Наверно, не очень людьми счастливыми
Придуманы маскарады...

Сегодня, хмелея, как от вина,
Можно, горя отвагой,
Смущенной Золушке у окна
Клясться плащом и шпагой.

И шутки бросьте, когда порой
Девчонка, собой не очень,

Вдруг обернется кинозвездой
Или «Царицей ночи».

Здесь можно, царский нося наряд,
На милость сменивши кару,
Вдруг подарить благосклонный взгляд
Вспыхнувшему «Корсару».

А в полночь, доверив себя письму,
Отчаянно и бесстрашно
Даже назначить свиданье ему
В саду у дворцовой башни.

Но сколько восторгами ни гори,
«Царица» все-таки знает,
Что все ее царство лишь до зари,

До первых звонков трамвая.

И завтра «Царица звездных ночей»,
Сняв свой наряд блестящий,
Станет, как прежде, в толпе людей
Скромненькой секретаршей.

Но в гуле приемной, невесть почему,
Ей все еще, то и дело,
Грезиться будет в табачном дыму
«Корсар» из шестого отдела.

Тот, что отнюдь не в нее влюблен,
Уж ей ли не знать про это!
Грохочет машинка, трещит телефон,
И требует план на весенний сезон
Начальство из кабинета.

И все-таки отзвук от сказки есть!
Начальство лишь брови вскинет
На этот царственно гордый жест,
С которым бумаги на подпись в трест
Она благосклонно примет.

А дома в комнатной тихой мгле
Ей тысячу раз приснится,
Что будни кончились на земле,
А праздник все длится, длится...

И ей, владычице звездных снов,
Подносит, склонясь несмело,
От счастья не в силах промолвить слов,
Громадный-громадный букет цветов
«Корсар» из шестого отдела.

1969

В троллейбусе

Встал троллейбус. Шум – как на вокзале!
Кто-то за милицией сходил.

– Что случилось?

– Жулика поймали!

Трешницу, мерзавец, утащил!..

– Слишком к ним уж много снисхожденья! –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.